

СЕРИЯ *Раагу*
Асн ПЕТРОВА

ВЕРНУТЬ СЕМЬЮ

ИГРА НА ЧУВСТВАХ

Селин Саади

Вернуть семью. Игра на чувствах

«Литнет»

2025

Саади С.

Вернуть семью. Игра на чувствах / С. Саади — «Литнет», 2025

— Кто эта тетя, папа?— Яна, — вместо удивления на лице мужа вспыхивает злость, — Какого вы здесь делаете?!— Сюрприз... — шепчу, с шоком разглядывая девушку, что обнимает моего мужа: — Кто это, Влад?— Боже, — девица закатывает глаза, — Женщина, ну вы святая, честное слово. Я сплю с вашим мужем. Ну или он спит со мной. Называйте это, как хотите.— Ничего не скажешь? — перевожу взгляд с нее на мужа.— Ты же прекрасно слышала. Не дура ведь, Яна. Умная же баба. Он изменял мне, прикрываясь работой и строительством дома. Полтора года молчания после развода, мы с сыном были ему не нужны. А теперь он стоит напротив и хочет вернуть нас. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ: сложные отношения, эмоции на грани, обязательный ХЭГроев ругать можно, авторов нет) НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ КНИГУ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ ♥# НАМ БУДЕТ ОЧЕНЬ ПРИЯТНА ВАША ПОДДЕРЖКА! ♥# Книга участник литмоба

© Саади С., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	28
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	34
Глава 15	36
Глава 16	38
Глава 17	41
Глава 18. Владислав	43
Глава 19	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глава 1

Заканчиваю свои дела, упаковывая последний набор свечей перед отправкой на склад. Смотрю на время и понимаю, что скоро нужно ехать в сад за Сашей, а заодно и проверяю, не перезвонил ли мне муж.

В последнее время каждый из нас в своих заботах, а строительство дома забирает все его силы. Я, конечно, тоже участвую, но что я могу перед несколькими рабочими, которые говорят на своём, неизвестном мне, языке? Поэтому приёмкой работ, которая ведётся ежедневно, занимается исключительно Владислав. Моя часть — это лишь дизайн-проект, который я либо согласовываю, либо нет.

Наконец, партия заказов готова, и теперь их увезут на склад «Озона», чтобы оттуда уже отправлять получателям. Выдыхаю, накидывая лёгкое пальто, и, закрыв на ключ помещение, которое для меня нашёл муж, я нажимаю набор его номера ещё раз.

На самом деле, благодаря ему, в целом, моё хобби стало приносить мне заработок. Безусловно, не такие деньги, как у Влада, но мне хватает, да и зашли мы на маркетплейс очень вовремя. Опять же здесь не обошлось без помощи мужа. Хоть он и говорит, что гордится мной, едва ли без него и его вложений у меня получилось бы. Вернее даже сказать, получилось бы, просто не так скоро.

— Да, Ян, — после продолжительных гудков отвечает он мне.

По голосу уже понимаю, что наверняка занят. За шесть лет брака и ещё года до ЗАГСа я научилась распознавать его эмоции. Хотя не скажу, что нам было просто. Сын, по сути, появился почти сразу после регистрации брака. Однако, вопреки всем доводам и статистикам, мы пережили кризисы, и сейчас у нас крайне много планов на жизнь. На то, чего мы ещё не добились, и что нам нужно. Это здорово, когда ваши мечты и желания сходятся. Вот у нас с Владом так и есть.

Хотя, на счёт нас моя близкая подруга до сих пор удивляется, как нам удаётся. Характерами мы абсолютно разные. Если я вода, то Влад настоящий пожар. И, можно сказать, что он слишком авторитарный. Не то, чтобы есть только он и его мнение, но во многом вода камень точит. А потому я знаю, что подход к моему мужу нужен определённый. Слишком сложно его порой сдвинуть с точки. Это в одно время и бесит, и ценно тем, что он не уйдёт с пути, даже если этот путь ему не нравится.

Но даже когда в любимом человеке что-то раздражает, ты всё равно бесишься с любовью. Не знаю, наверное, те, кто любят, меня поймут. Не возникает желания избавиться от раздражающего фактора, ты просто принимаешь как есть.

— Хотела узнать, может ты домой сегодня? — закусываю губу в ожидании его ответа.

— Нет. Не успею, а пробки собирать не хочу.

Из-за строительства дачи мы в последнее время очень редко видимся. Я даже молчу про время на двоих. И понятное дело, он устаёт, потому что фактически работает после работы. Иногда ведь даже помогает бригаде, больше, безусловно, с точки зрения управления, и тем не менее. Вот как раз скидывал мне фотографии позавчера, хвалясь тем, что они продвинулись, и появилась ещё одна внутренняя стена.

— Я очень соскучилась, да и Саша тебя уже не видел четыре дня...

— Я тоже, но загруз полный.

Шальная мысль проносится в голове, потому что я действительно тоскую по мужу. Засыпать в холодной постели приходится всё чаще, а я хочу обнять его и прижаться к широкой груди. Посмотреть в частенько нахмуренный взгляд цвета неба и разгладить эту морщинку между бровями. На фоне мощной фигуры мужа я выгляжу дюймовочкой. Рост метр шестьдесят, а от природы платиновый цвет волос делает из меня не женщину, а девушку-студентку.

— Ладно, не буду отвлекать... — раздосадованно отвечаю, а Влад пытается смягчить.

— Маленькая, я знаю, но чуть позже. Когда переедем в дом, не выпущу тебя из рук.

Усмехаюсь ему в трубку, на что он говорит, что больше не может говорить. Не успеваю даже сказать «целую», как слышу гудки.

Не закидываюсь на том, что он вновь говорит о переезде. Нет желания портить настроение нам обоим. Тема слишком сложная, а к консенсусу мы пока не пришли. Всё на стадии обсуждения, и пока мы думаем, что пока строимся, время есть.

На мой взгляд, желание жить за городом — прекрасно, однако я не понимаю, как совместить всё то, что есть в нашей жизни. А это и работа, и секции, плюс карате у Саши, и его круг общения. Не обойдётся ведь и без адских пробок, будь они неладны.

Ладно, сейчас эти мысли оставляю незаконченными, ведь знаю, что муж старается для нас. И надо отдать должное, Влад прикладывает максимум усилий, чтобы успеть везде и всё, включая сына. Несмотря на бизнес в сложной и денежной сфере промышленности, он — вовлечённый в жизнь ребёнка отец, и это моя отрада. В нашем детском саду были разные семьи, но, к сожалению, в большинстве своём отцов там даже и не видели ни разу. А Влад стоял рядом со мной на каждом утреннике.

Сажусь в машину, чтобы забрать сына со школы. У нас первый класс как никак, и стресс ребёнка вносит свои коррективы. Так бы мы, может, и оставались на даче с пятницы до утра понедельника. Но Саша с вечера субботы уже воет волком, как хочет обратно в город.

Часы показывают три пятнадцать, а я знаю, что освободимся мы буквально через часа полтора. И дальше у нас свободное время, потому что сегодня нет кружков дополнительного образования.

Заглядываю в телефон, чтобы проверить, что из продуктов хотела заказать на дом. Светофор загорается зелёным, и я, смахнув экран, возвращаюсь к лобовому стеклу.

Уже после, забрав сына и выслушав рассказ о том, что они увлекательного делали на робототехнике, я предлагаю ему вечером съездить к папе. Сначала он хмурится... а потом громко спрашивает.

— Но мы же без ночёвки?! — такая очевидная разница в интонациях, что я снова загружаю голову тем, что из вариантов выбрать.

Новая школа для Саши и его потеря такого плотного общения с друзьями. Жизнь за городом и бесконечные поездки. Жизнь здесь и снова бесконечные поездки.

— Без, сынок...

Только в этом случае он легко соглашается, а я предлагаю ему прямо отсюда отправиться за город.

Глава 2

— Ирина Ивановна хочет меня пересадить от Микушиной, — сын, тяжело вздохнув, начинает рассказывать о своих школьных проблемах. — Но я, мам, хочу с ней сидеть. Она классная и весёлая. А ещё она красиво рисует.

Мои губы трогает лёгкая улыбка, пока я ловко перестраиваюсь в левый ряд.

Конечно, в таком возрасте это не влюблённость, а больше интерес, симпатия. Но я рада, что сын деликатно говорит о девочке, которая ему нравится. С моих школьных времён я привыкла, что мальчишки задирались и таскали за косы.

— Почему же тогда она хочет вас рассадить, Саш?

— Потому что мы много разговариваем на уроках.

— Аргумент, — киваю ему через зеркало заднего вида, — вы можете отвлекать других ребят и сами материал не усвоите. Я не против, что ты активно общаешься, но не на уроке, пожалуйста.

— Но, мам, — он упрям. И этим он сильно похож на своего отца. Иногда с ними двумя очень сложно. Влад порой перегибает палку в попытке что-то доказать, я иногда соглашаюсь, лишь бы наш спор не перерос в ссору. Но зачастую... Я не согласна. И очень злюсь на себя, когда делаю вид, что всё хорошо.

Моя мать это называет женской мудростью: уметь промолчать, сгладить углы, припорошить там, где явные пробоины. И я так и делаю.

Но меня долгое время не покидает чувство, что это совершенно неправильно. Я же тоже живой человек со своими желаниями, мечтами, мнением. Почему тогда я всё время отдаю первенство мужу?

Говорят, что спорить с мужиками нельзя, они перестают видеть в тебе женщину в споре, они видят оппонента. Равного.

В целом, доля правды в этом есть, но у нас и без споров всё затухло. Тревожит ли меня это?

Очень. Мне не хватает тепла, ласки, мне просто не хватает моего мужчины рядом.

Саша всю дорогу рассказывает обо всём на свете. Он любопытный ребёнок, что видит, то и впитывает.

И замолкает только в тот момент, когда я паркуюсь у нашего дома. Ещё недостроенного, но уже довольно симпатичного.

Я боюсь представить, сколько денег вложил муж в этот проект, но ко мне прислушивается, хоть здесь. Внутреннюю отделку дома, что отвечает за красоту и уют, курирую я.

И Влад изначально не стал эту роль у меня отнимать.

В доме уже установлена кухня, так как Влад здесь много времени проводит, а на доставках не вытянуть, всё слишком далеко.

Поэтому я тут же занимаюсь приготовлением ужина, пока Сашка играет в машинки, разбросав игрушки на полу, застеленном плёнкой.

— Мам, а папа сделает мне качели во дворе? И горку?

— Сделает, — киваю я, попутно нарезая свежий салат, — только чуть позже, сынок. Нужно основную часть закончить.

— Хорошо... А что насчёт собаки, мам?

— Я не против, — духовка дзынькает, давая знак, что курица готова, — но нужно переговорить с папой. Ты же знаешь, что у него сильная аллергия на шерсть.

— Да, — сын тут же расстраивается, — но я смотрел передачу, что есть гипоаллергенные породы собак. Ну знаешь, у них не шерсть, а типа волосы.

Он делает смешную рожицу, я тут же смеюсь.

— Обсудим, сынок. Я обещаю, что мы этот вопрос поднимем.

Кажется, такой ответ сына устраивает. Потому что он перестаёт задавать вопросы, возвращаясь к игре в машинки.

Когда стол накрыт, муж как раз приезжает. На окнах ещё клеёнка, я плохо вижу его силуэт, но зато отчётливо вижу свет фар.

— Сашуль, беги папу встречай.

Сын вскакивает на ноги и уносится в коридор, пока я снимаю фартук и поправляю идеально уложенные волосы. Улыбаюсь и тоже иду встречать мужа. На повороте в коридор слышу вопрос сына, который заставляет меня притормозить.

— Кто эта тётя, папа?

— Ты что здесь делаешь? — Влад резок с сыном.

Я вынырываю из-за угла, меня слегка потряхивает, но я пока не раздуваю в своей голове апокалипсис. Хотя уже пора...

Девушка красивая, эффектная. Она одета в чёрное короткое вязаное платье, длинное пальто и кожаные сапоги по колено на каблуке. Станным взглядом рассматривает моего сына, словно никогда раньше не видела детей.

— Яна, — вместо удивления на лице Влада вспыхивает злость, — какого чёрта вы здесь делаете?

— Решили сделать тебе сюрприз. Влад, а кто это?

— Я ненавижу сюрпризы, — он ещё больше злится, заставляя моё тело трястись в лёгкой судороге, — я же сказал, что не могу сегодня. Что из моих слов было непонятно?

Сын впервые видит отца таким, поэтому делает шаги назад, пока не врежется в мои ноги.

— Ты пугаешь его... Что происходит? Ты можешь объяснить?

— Боже, — девица закатывает глаза, — женщина, ну вы святая, честное слово. А что, по-вашему, здесь может происходить?

— Вы мне скажите... — я, кажется, уже знаю ответ, но он пока только внутри меня.

— Я сплю с вашим мужем. Ну или он спит со мной. Называйте это, как хотите.

— Влад, — перевожу взгляд с неё на мужа, — Объяснишь?

— Ты же прекрасно слышала. Не дура ведь, Яна. Умная же баба.

Глава 3

Каждое слово заставляет меня отшатываться и машинально зажимать уши сына. Едва ли это поможет, но я всё равно делаю. Будто это единственное, что сейчас не даёт мне быть размазанной пылью на этой строительной плёнке.

Заставляю себя собраться, а внутри я словно задыхаюсь собственной кровью. Как в фильмах, получив пулю в область лёгких, жертва изливается кровавыми струями.

Вот и я сейчас так же.

— Не дура... — глухо шепчу, пока эта дама лениво разглядывает свои ногти будто от скуки, словно ждёт, что останется здесь.

— Мам! — сын в этот момент уворачивается от моих рук, а я всё ещё не могу отвести глаз от Влада, который со злостью зажимает переносицу.

Растерянно оборачиваюсь на сына, а он ищет в моих глазах ответы. Как по пути сюда с настроением обрадовать мужа, по которому я соскучилась.

Цепляю на лицо нервное подобие улыбки и трясущейся рукой отправляю ребёнка.

— Пока рюкзак из комнаты заberi, Сань... — мягко подгоняю сына.

— А мы что...

— Ты маму слышал?! — звучит раздражённый голос, и это срабатывает.

— Не смей, — тычу я пальцем: — Я без тебя разберусь с ребёнком, — голос пусть и твёрд благодаря ярости и сигналу защищать, но сейчас каждую секунду внутри меня что-то умирает.

Словно каждая клеточка моей души медленно отключается, и ощущение, что вернуть я её уже не смогу. Не поможет ни адреналин, ни дефибриллятор.

На каком-то автопилоте я резко разворачиваюсь и двигаюсь в сторону кухни.

— Стой! — летит мне в спину: — Яна!

Он зовёт, но я мотаю головой и лишь ускоряю шаг. Уже будучи на кухне, растерянно озираюсь, не понимая, что мне надо забрать.

Ключи от машины, телефон... остальное неважно. Остальное потом...

Нет. Потом уже не будет. Потом закончилось.

Резко останавливаюсь посередине и кручусь на пятках. В эту секунду вижу разгневанное лицо собственного мужа. И лишь один вопрос срывается с моих губ глухим поломанным шёпотом.

— Как ты мог, Влад... Как?

Одно дело думать, что у вас в браке что-то не так. Пытаться найти причины и наладить. Принимать, что каждый из вас имеет право уставать и не будет двадцать четыре на семь заглядывать в рот партнёру. Это нормально. Нормально иногда устало сказать, что хочется отдохнуть и без разговоров отвернуться спать. Или встретиться с друзьями и вернуться домой позже обычного. Нормально...

Ненормально вот так. Прикрываться благим делом для семьи. Обсуждать планы и говорить, что скоро мы будем все вместе вновь. Исполнять мечту на нас троих, но ещё на стадии реализации пачкать её этим дерьмом.

Ненормально. Низко, подло, грязно.

Этот дом... это долгожданное место, которое должно было стать для нас любимой и уютной крепостью. Мы так долго искали и выбирали, где купить землю, какую сделать планировку... а теперь...

Слёзы скатываются из глаз против собственной воли, и я не утираю их. Я с каждой секундой даже не осознаю, нет. Я разочаровываюсь. Так сильно, что становится адски больно.

Сжимаю место, где трепыхается сердце, и желаю вырвать его, потому что я люблю человека, который даже в эту минуту не считает, что сделал что-то не так. Который смотрит на меня с яростью, потому что я посмела нарушить его планы. Потому что раскрыла его гнусный обман.

— Какого чёрта ты привезла сюда ребёнка?! Яна, зачем... — он рычит и ударяет ладонью по стене.

Острые черты лица становятся пугающе опасными, а этот бешеный взгляд должен бы вводить в ступор. Я вздрагиваю, но продолжаю упрямо держать подбородок.

— Полагаю, вопрос, по правде говоря, звучит иначе, — горько усмехаясь, отвечаю: — Ты ведь имеешь в виду, какого чёрта я приехала...не послушала, хотела сделать...

— Ты знаешь, как я к этому отношусь! — он перебивает, повышая голос, а я киваю, опуская глаза на бетонный пол под пленкой.

— И теперь понимаю почему. Я вообще теперь многое...

— Ни хрена ты не понимаешь! — он вновь ударяет своей рукой, и резко дёргает ворот рубашки: — Так. Значит, сейчас ты забираешь ребёнка, говоришь ему, что это бредовое стечение обстоятельств, и едешь домой. Я...

— Стоп, Влад, — ругаться, конечно, не сильно в моих правилах, но сейчас наружу рвётся то, что я никогда и не испытывала.

Для меня всегда подобные случаи были, как сценарий для сериала, но явно не для жизни.

И хотя я слышала, что у Влада несколько партнёров за последний год развелись, и друг его лучший в разводе. Но никогда не смела думать, что он сам окажется лгуном. Напротив, я ценила его ещё больше за прямоту в эмоциях, за честность...

— На правах умной бабы, во-первых, ты перестанешь отдавать приказы. Командовать будешь своей шлюхой. — цежу сквозь зубы, давая понять, что это конец: — И во-вторых, с того самого момента, как ты зашел сюда с ней, ты для нас никто.

— Яна, не испытывай моё терпение. Мы эту ситуацию забудем и пойдём дальше. — я даже в голос усмехаюсь, хватая, наконец, телефон со столешницы.

А когда уже хочу сделать шаг по направлению на выход, то останавливаюсь на секунду, заметив как Саша идёт в нашу сторону.

— Там в духовке курица, — оборачиваюсь я на Влада: — Мне не жалко, жрите, не обляпайтесь, — последнее даже с улыбкой выходит, и я горжусь собой, потому что есть силы стоять, а не падать перед ними: — Сынок, едем.

Тяну руку к сыну, забирая у него рюкзак и поскорее веду к выходу. Пассия Влада всё ещё здесь и всё ещё стоит, не понимая, хлопая ресницами.

— Яна, я сейчас приеду, и мы все обсудим, слышишь! — он орёт нам в спину, а я, послав ребёнку улыбку, открываю дверь и с шумом хлопаю ей, отрезая нас от того ужаса, что на нас свалился.

— Мама, а почему?

— Что почему, сынок? — утираю бегущие слёзы, пытаюсь сделать вид, что не ломаюсь прямо в эту секунду.

— Почему папа там? И злой? И кто эта тётя? Это папин сотрудник? Или она нам дом делает? — вопросы выходят пулемётной очередью, пока я усаживаю его в кресло.

— Сейчас... — я не знаю, кому я это говорю, себе или ему.

А когда, наконец, сажусь за руль, освещая фарами ещё неготовую подъездную дорожку, то мышцы во всём теле одновременно начинают болеть.

Руки трясутся, и я смотрю на свои ладони, понимая, что вот теперь накатывает. Да так сильно, будто звон огромного колокола прямо в ушах и я абсолютно не уверена, справлюсь ли.

Глава 4

— Мам, — Саша тихо зовёт меня, — папа приедет?

— Саш, пожалуйста, — я на грани, чтобы сорваться на ребёнка, который ни в чём не виноват. Но его вопросы ещё глубже закручивают внутри меня гвозди, создавая дыры, — давай мы обсудим это потом, хорошо? Папа с мамой поссорились. И мама сейчас немного злая...

— Ладно, — сын соглашается. Вижу, как его лицо приобретает задумчивое выражение. Столько вопросов сейчас в его голове копится, а у меня самой ровно такие же. Я понятия не имею, что делать дальше, но что-то делать точно нужно.

Это так ужасно, когда всё происходит внезапно. Ты никогда не будешь готов к таким поворотам судьбы. Даже если у тебя стальной характер, сила духа, никакие твои качества не помогут отреагировать без боли на то, что человек, которому ты верил и которого любил... предал тебя.

И самое ужасное во всём этом — он так разозлился, будто я это предательница, что приехала в тот дом!

Дома я кое-как укладываю Сашу спать, пускай ещё время и не самое позднее, но мне точно нужно уединение. Сын засыпает, перед этим плача и говоря, что ему страшно.

А после того, как мне удаётся его успокоить, я ухожу собирать чемодан.

Конечно же, не свой чемодан. А чемодан Влада. Ему теперь точно не место рядом с нами, пусть уезжает в тот дом, который строит.

Он словно читает мои мысли: его ключи открывают дверной замок, и он вваливается в квартиру злой и не понимающий, какого чёрта я сижу в коридоре у его чемодана и собираю его же вещи.

Одним рывком он выхватывает из моих рук свою рубашку, не без боя, но у него это получается. Отбрасывает дорожную ткань в сторону, свирепея ещё больше.

— Какого хрена ты здесь устроила, Яна? Давай, заканчивай этот цирк. Мне не смешно.

— И мне не смешно, Влад.

— Ты реально собралась расходиться? Из-за какого-то левого траха на стороне? Яна, очнись, так все живут... Я не планировал уходить из семьи, не планировал разводиться. Вы всегда были для меня важными людьми. Но так бывает, когда мужчина...

На этом моменте я его останавливаю, не желая слушать продолжение.

— Ну вот видишь, Влад, теперь у тебя будет уйма времени, чтобы ходить налево. Никто не будет больше сдерживать. Хотя... Я так понимаю, наличие жены и ребёнка тебя особо и не сдерживали.

— Бля, — выдыхает со свистом, — ты сейчас серьёзно? Яна. Ну хватит...

А мне так обидно... Что он даже прощения не просит. Он даже не понимает, какую подлость совершил.

— Просто на секунду представь, что ты приезжаешь в дом, который строишь для своей семьи, а там я... с другим мужиком, Влад? Представляешь? Он меня ласкает, целует, раздевает...

Рука мужа резко закрывает мне рот.

— Заткнись!

Смеюсь ему в ладонь, а по щекам текут проклятые слёзы.

— Это не то, Яна. Это называется физиология... А вот когда женщина изменяет мужчине, это уже другое.

Как же всё легко у него. Он убирает ладонь от моего лица, думая, что я успокоилась.

— Двойные стандарты, Влад. Окей.

Вновь возвращаюсь к сбору чемодана, а он вытаскивает каждую вещь, которую я туда складываю. Эта битва происходит молча, без слов. Совершенно комично со стороны, но на деле это трагикомедия с очень плохим концом.

— Да, блядь! — в какой-то момент он не выдерживает и поднимает меня на руки, утаскивая в гостиную, — Ты че творишь вообще? Яна! Мы — семья. Мы должны быть вместе. Забудь ты про ту бабу, я уже и имя её забыл. Хватит.

— Я готова остаться с тобой только при условии, если я тоже заведу себе партнёра на стороне. И, конечно, я никогда бы так не смогла поступить с любимым человеком, но мои слова ударяют его под дых, — если тебя устраивает это условие, то тогда, конечно, давай останемся семьёй, но обсудим в таком случае правила.

Я подхожу к комоду, достаю оттуда листок бумаги и ручку.

Демонстративно, пока Влад переваривает шок, пишу правила. Через две минуты листок сминается в его кулаке.

— Ты правда хочешь, чтобы я ушёл?

— Очень хочу. Надеюсь, на квартиру претендовать ты не будешь? Я бы хотела остаться с сыном здесь, а вот дом... после того, что там было, он точно мне не нужен.

— Я понял, — отрешённо складывает руки в карманы джинс, — позвони, когда придёшь в себя. Я сейчас вообще не знаю, с кем тут разговаривать. Ты бредишь.

Он молча уходит, а я сквозь слёзы смеюсь. Такая боль адская... Такая изматывающая, что в этот момент кажется, я никогда ее не переживу.

Глава 5

Спустя полтора года

Подъезжаю к дому в поисках места для того, чтобы припарковаться. Сын с няней в виде моей матери, не шибко люблю просить её о помощи, но сегодня работы было слишком много. На носу день матери, и надо подготовиться заранее. А то, признаться. Я не ожидала ажиотажа на День учителя. А он внезапно случился. И повторять тот опыт ночных задержек я не хочу.

Проехав круг по территории комплекса, наконец куда могу втиснуться. Минут пять уходит на парковку, и я, доставая пакет из супермаркета, наконец, бреду к квартире.

Второй класс скажу, отличается от первого. У нас не было домашних заданий и оценок, были рекомендации раз в неделю, которыми в целом можно было бы легко справляться. Правда, кризис семилеток не обошёл и нас, но вероятно, семейные проблемы отложили след на Саше, потому что этот год прошёл в каком-то неуправляемом режиме.

Пока ещё его отец объявлялся в жизни, было сносно. А когда он пропал, всё пошло на дно. Вдребезги разбилось всё то, к чему мы стремились в воспитании пока были в браке.

Я стараюсь не анализировать и не вспоминать. Во-первых, зачем беречь то, что доставляет мне лишнюю нервотрёпку. Во-вторых, человек, который меняет свою семью на шлюх — разве вообще человек? Та устоит ли тратить своё время на мысли о нём...

На словах звучит шикарно. На деле мне не дают забыть. Ровно с того самого момента, как Влад исчез из жизни сына, ребёнок начал сходить с ума. И как бы я ни пыталась объяснить, что он здесь ни причём, что так бывает. Однако это не помогло ему перестать чувствовать себя ненужным. К тому же отцу. Человеку, который разделял с ним все идеи насчёт сборки какого-то механизма, конструктора и прочего. Саша уже видит, что едва ли я смогу стать для него и мамой, и папой.

Останавливаюсь у подъезда, чтобы достать ключи из сумки, и пока я там роюсь, вспоминаю, что мать звонила раз пять за последний час.

Сейчас опять будет причитать. Наши отношения вполне себе тёплые. Были. До того момента, как я развелась с мужем. Когда сообщила ей о своём решении, то встретила негодование и возмущение.

Не знаю, что это: старая закалка или может страх остаться одной, но она буквально уговаривала простить и не оставаться в разведёнках. Именно поэтому сейчас наши отношения как минное поле. Одно не то слово и вокруг всё взрывается.

Поднимаюсь на лифте, попутно просматривая, какие завтра уроки в школе. Не забыть заказать питание, проверить рюкзак и форму. А то однажды Саша ушёл в школу с пустым рюкзаком, а на физкультуре был в майке.

Правда, он-то не растерялся, только мне потом рассказывали на родительском собрании. И вроде бы всё с улыбкой, но шёпот-то за спиной я слышала. Уж не знаю, кто конкретно из родителей пускает слухи, но как я заметила, коалиция таких есть.

Подхожу к двери, вставляя ключ в замочную скважину, вздыхаю, потому что на душе как-то хандрит. То ли это осень так действует, то ли, может, просто устала.

— Всем привет, — натягиваю улыбку, чтобы не было лишних вопросов, и вхожу в квартиру.

Обоняние тут же улавливает ноты чего-то незнакомого. Хмурюсь, оставляя пакет на банкетке, и оборачиваюсь к шкафу. Взгляд будто магнитом ведёт к полу, на котором стоит явно незнакомая пара обуви.

Мужской обуви.

В груди простреливает молниеносно. И держась за стену, я стягиваю свои ботинки механическим движением, а сама, разматывая шкаф, иду в сторону гостиной. Как за стеклом оттуда раздаются глухие голоса, а молния на моей куртке расстёгивается слишком медленно и громко.

Вижу мать, которая выходит на встречу.

— Я тебе звонила! Ты почему не отвечаешь?! — она шипит, преграждая мне дорогу.

А я растерянню ищу в её глазах ответ. И хотя, я его уже знаю, отчаянно не хочу в это верить.

Время после развода было... тяжёлым? Нет. Слишком тяжёлым.

Я отчётливо помню его слова, позвонить ему, как приду в себя. Собственно, ясное дело, что больше я ему не звонила. Удалось сохранить себе машину и квартиру ребёнку. Бойцов даже закрыл договор аренды моего помещения на год. Вероятно, чтобы откупиться от посягательств на большее.

Хотя я бы даже и не стала. Его бизнес — это дело рук его, и всё остальное, включая дачный бордель, который он сделал из нашей мечты, мне не нужны.

— Владислав был очень настырен, — с горделивой осанкой произносит мать, а я прикрываю глаза.

Я безусловно знаю, каким он может быть. Но ещё я знаю, что ему стоило сказать, что он хочет поговорить и он уже был бы в квартире.

— Я поняла, — цежу сквозь зубы.

Потому что мне абсолютно не нравится это вторжение. Это раз. А два — я не хочу испытывать то, что заперла на дне самой дальней коробки в своей душе.

Прохожу дальше и каждый шаг, как путь в никуда. Тебе туда не надо, но тебя ведёт долг. Или судьба?

Переключаю мысли лишь на сына, надеясь, что он хотя бы рад. Потому что если это не так, то моя злость прорвется сквозь пласт равнодушия, который я цепляю на лицо.

— Ну, здравствуй, Яна, — он будто готовился, потому что уже смотрит в проход, едва я там появляюсь.

— Какого чёрта ты здесь делаешь, Влад? — отзеркаливаю его слова, сказанные мне тогда.

— Сюрприз?

Он вопросительно вздёргивает бровь, а мои кулаки непроизвольно сжимаются.

Дорогие читатели!

Знакомим вас с эмоциональной новинкой нашего литмоба "Вернуть семью"!

Чарли Ви

Вернуть семью любой ценой

<https://litnet.com/shrt/sxij>

Аннотация

Кто отец? — спросил бывший муж, глядя на мою дочь.

— Какая тебе разница, Одинцов?

— Не думал, что ты так быстро мне замену найдёшь.

Я даже опешила от его обвинения. Почему-то была уверена, что всё итак очевидно. Дочке год, в разводе мы два года. И его подозрение даже обижает.

— Неужели я похожа на женщину, которая готова лечь под другого сразу после развода? — парирую я, с удовольствием отмечая, как вытягивается его лицо.

Я ушла от него из-за измены. Потребовала развод, потому что устала делить с другой.

Два года тишины. Два года новой жизни. И вот он стоит передо мной и пристально изучает малышку на моих руках.

Раньше надо было думать, Одинцов, раньше.

Глава 6

— Это не самый приятный сюрприз, — я обхожу его стороной, таща за собой пакет с продуктами на кухню, — тебе здесь не рады. Но если ты хочешь пообщаться с сыном, то мог предупредить заранее.

Не обращая больше никакого внимания на бывшего мужа, я раскладываю продукты в холодильник. Пакет шуршит, бутылка молока глухо стучит о стеклянную полку.

А он стоит молча, внимательно наблюдая за мной, будто я экспонат на витрине. Опирается о дверной косяк, вогнав плечо в белизну дерева, руки сложены на груди в нерушимый замок, а левая бровь чуть вздернута, этот старый, знакомый до тошноты жест, смесь снисходительности и вымученного интереса.

— Ты совсем не рада меня видеть?

— А ты думаешь, я тебя ждала, упиваясь ночами горькими слезами? — саркастично хмыкаю, — нет, Влад, такого не было. Единственное что, мне приходилось всё время искать причины, чтобы сказать сыну, где его папа. И знаешь, я каждый раз еле находила в своей голове что-то адекватное, чтобы отгородить ребёнка от всего этого.

— Я звонил, — коротко бросает.

— Да, — киваю на его слова, резко останавливаясь, — в последний раз полгода назад. Было дело.

Я прекрасно вижу, что наш разговор ему не по нраву. Ну ещё бы... а что он на самом деле ожидал? Что ему здесь будут рады? Это смешно.

После всего того дерьма, что он натворил, я не знаю, где во мне хоть капли мудрости и стойкости, чтобы не оградить сына от этого человека. Проблема в том, что отец он неплохой. Только муж дерьмовый вышел.

— Так и будешь мельтешить по кухне, — он срывается на полукрик, — остановись и давай поговорим.

— О чём, например? Если ты хочешь обсудить дни встреч с сыном, то лучше сделать это в сообщении, чтобы мы могли письменно зафиксировать, какие дни удобны.

— Мы сейчас с тобой ребёнка нашего обсуждаем, а не деловую встречу?

Он отталкивается от стены и идёт в мою сторону, каждый шаг отмеряя с неспешной, почти хищной уверенностью. Лёгкая паника всё-таки даёт о себе знать, предательский холодок под кожей, но я быстро её маскирую, отворачиваясь к холодильнику и с преувеличенным вниманием расставляя банки.

Получается. Даже с нотками брезгливости, когда я отодвигаюсь чуть дальше, будто от вещи, от которой пахнет затхлостью.

— Разве полтора года было недостаточно, чтобы остыть, Яна?

— Остыть? — хмыкаю, — это теперь так называется?

— А как ещё это назвать? — барабанит по столешнице пальцами, — ты взбрыкнула и выгнала меня из дома. И я дал тебе время на... подумать.

— Да, — и ведь в его словах, глазах — никакого раскаяния. И это задевает куда сильнее, чем сам факт измены. Он даже не пытается исправить, попросить прощения, сказать, что ему жаль. Он уверен и холоден в том, что говорит и делает, — время подумать у меня было. И я подумала, что... Не пошёл бы ты нахрен!

Резко поднимаю руку и указываю ему пальцем на выход.

— Что за детский сад?

Владислав начинает закипать, еле сдерживая свой гнев. А мне даже нравится, что я могу поставить его на место, при этом не испытывая чувство вины за то, что так груба с ним.

Мне действительно за это время много пришлось научиться. И постоять за себя. И защищать себя и сына.

Прежде чем Влад начинает говорить, на столе загорается экран моего айфона. Я беру его в руки, мысленно благодаря, что меня избавят от общения с этим человеком хотя бы на пару минут.

— Да, слушаю.

— Детка, привет, — бархатный голос на том конце провода вызывает у меня улыбку, — что думаешь насчёт завтрашнего ужина?

— Ох... — бросаю взгляд на календарь, — давай лучше послезавтра. Завтра у меня вечерняя йога, а потом я обещала сыну просмотр мультика.

— Ок, понял. Без проблем, детка.

Я не успеваю ответить, как нахальным образом из моей руки выскальзывает айфон и оказывается в крепкой руке бывшего мужа.

— Ты кто такой? — грубо кидает ему Влад, внимательно слушая ответ собеседника.

— А тебя не должно касаться, кто я такой. Номер этот забыл и звонить сюда перестал.

Он кладет трубку, возвращая гаджет обратно мне в руку.

Вся злость, накопившаяся за долгое время, неверие, что он правда решил, что может так легко распоряжаться моей жизнью, просто вываливаются из меня.

Резким движением руки я оставляю мощный след на его щеке от звонкой пощечины.

— Какая же ты скотина! — сквозь зубы рычу на него, — уходи немедленно! По-хорошему уходи!

Как же всё-таки это несправедливо... И почему мужики думают, что такое поведение заводит женщин? Может, только травмированных и больных на голову?

Меня лично сейчас эта ситуация заводит только на то, чтобы ударить его ещё раз, да посильнее.

Дорогие читатели!

В нашем литмобе стартовала еще одна эмоциональная новинка!

Мария Владыкина «Вернуть семью. Эхо нашей любви»

<https://litnet.com/shrt/zHlk>

- Что было, Макс? Ты не уйдешь вот так от ответа! – Не обернулся. Но я не сдавалась. Бежала, поспевая за его быстрым шагом. Дёрнула ещё раз за кофту.

- Это нормально сбегать, по-твоему?

Он остановился так резко, что я чуть не впечаталась в его спину.

- Достала! – Заорал муж, из-за чего внутри всё скрутилось в узел, и что-то будто лопнуло, гася во мне эту вспышку, что заставляла кричать и бежать. – Она меня поцеловала. И я ответил. Мы целовались, да! Довольна? Теперь тебе легче?

Она всегда была в нашей жизни. ОНА. "Лучшая подруга" моего мужа.

Когда мы только начали встречаться.

Когда чуть не расстались из-за неё.

Когда поженились, родили ребёнка.

Когда я нашла использованную упаковку презерватива в его штанах, и развелась с ним, наконец-то уступая ей дорогу.

Только, кажется, в их отношениях что-то пошло не так, раз он никак не хочет меня отпускать...

Глава 7

Смотрю в его лицо, пылающее раздражением, а потом он будто лениво бросает мне.

— Даже если я сейчас уйду, надеюсь, ты понимаешь?

Хмурюсь, не собираясь спрашивать, потому что мне абсолютно неинтересно, что он там себе думает.

— Никого больше у тебя не будет. Я вернулся и буду участвовать в жизни сына.

Фраза вызывает мой смачный фырк. Он видит и усмехается в ответ.

— Любой ценой, Яна. — он подходит почти вплотную, пока я поистине понимаю, что значит крошить зубы в пыль: — Даже если вновь придётся пройти суд и прочую суматоху.

Прикрываю глаза, я ведь знала... Тогда он слишком просто согласился на мои условия. Знала, что ещё скажет своё слово. Просто не думала, что спустя столько времени появится передо мной будто победитель и будет качать свои права. Которых, по сути, и нет.

— Что это?! — вздёргиваю бровь, а самой хочется вздёргнуть его: — Проявление отцовской любви?!

Влад слышит нескрытый сарказм и только хочет ответить, как на всю комнату раздаётся крик.

— Мама! Мама! — сын бежит ко мне, показывая навороченного робота из серии трансформеров.

Там всё мигает, двигается, ещё и со звуковым сопровождением.

— Смотри! — он тянет мне эту издающую звуки борьбы махину, а я перевожу глаза на Влада.

Игрушку эту я видела и сама. Более того, сын просил её, но я могу позволить ему такое лишь на праздники. Как бы я ни хотела ущемлять его, но бездумно покупать их по первому зову точно не мой метод. Тем более такие дорогостоящие.

— Круто, Саш! — пытаюсь ответить сыну с нейтральной интонацией.

— А ещё, мам, папа знаешь, что сказал?! — он прищуривается и оборачивается на Влада, а тот с улыбкой кивает: — Что я поеду к нему на выходные...

Фраза заставляет меня остолбенеть, как от заклинания из всемирно известного гарри поттера. Теперь мне уже не до шуток. Я своего согласия не давала. Кроме этого, я вообще сомневалась, что хочу его давать.

— Это мы более конкретно обсудим с твоим папой, сынок, — улыбаясь ребёнку, озвучиваю, а сама прожигаю взглядом свалившегося на мою голову бывшего, — Ты пока иди к себе...

Саша хмурит брови точь в точь, как Влад, и я прикрываю глаза. Внутри абсолютный катарсис. Тревога, злость, неверие и чёртова боль — всё это во мне сейчас смешивается, как в шейкере для приготовления коктейля.

Снова посылаю взгляд на сына, отправляя к себе, а когда он скрывается в коридоре, то тут же слышу.

— Ты, кажется, хотела, чтобы я ушёл...

С самодовольной усмешкой он произносит, а мне хочется взять и заорать. Просто в пустоту, чтобы выпустить эти разрывающие меня ярость и бессилие. Сжимаю челюсти до боли в дёснах и отвечаю.

— Ещё одна подобная выходка, Влад, и я клянусь, я...

— Что?!

Он явно ощущает свой триумф, всматриваясь в мои глаза. А я от переизбытка этих всех эмоций снова вскидываю руку в воздух.

— Забыл сказать, — пресекает он мою попытку, с высокомерным взглядом жёстко перехватывая руку: — Тебе идёт новый цвет...

Я и правда рычу в пространство, уже и позабыв, что теперь волосы на пару тонов темнее, чем он видел раньше.

Мне отчаянно, до чесотки на руках хочется взять и надавать ему по лицу, будто я достойный соперник, а не женщина в полтора раза меньше.

— Твоё мнение мне неинтересно, — шиплю я, посылая в него стрелы собственной злости: — Оставь нас в покое и иди туда, где всё это время был!

Он цокает в ответ и медленно качает головой.

Приближает своё лицо, пока я пытаюсь оттолкнуть его свободной рукой.

— Сейчас я хочу быть здесь... — хрипит он практически в ухо, перехватывая и вторую мою руку.

— Я не хочу! — кричу я, не выдерживая: — Не хочу! Не трогай меня! Убирайся!

Брыкаюсь будто сумасшедшая, а каждое его касание отдаётся ожогами по телу.

— Перестань, Яна, — Влад пытается удержать, а я даже не замечаю, как из глаз льются слёзы: — Хватит!

Безуспешные попытки оставить на его груди удары забирают будто все силы, но я упорно пытаюсь сделать ему больно.

— Дочка, Влад, что у вас случи...

Мать появляется в комнате в тот момент, когда мои силы уже на исходе.

— Всё отлично, Маргарита Павловна... — озвучивает Бойцов: — Мы слишком соскучились просто.

Он натурально издевается надо мной.

— Отпусти меня... — шиплю, глядя на него, невзирая на солёные дорожки слёз.

В его глазах ни грамма вины, и это обескураживает. Как такое вообще возможно?!

— Отдохни и успокойся. Я приеду завтра.

Вызывающе холодно озвучивает, наконец освобождая мои руки и вальяжной походкой, бросив напоследок матери "до свидания", он уходит. А я... я оседаю на стул, зарывая лицо в ладонях и не представляя, что меня ждёт дальше. Лучше бы он не появлялся, лучше бы исчез навсегда.

Дорогие читатели!

Продолжаем вас знакомить с историями нашего литмоба "Вернуть семью"!

Кристина Весенняя

Вернуть семью. Без права на ошибку

<https://litnet.com/shrt/Jf7d>

— Ты совсем глупая, Вера? Твой муж — отец моего ребенка! Имей совесть и уйди с нашей дороги. — вздрагиваю от резких слов лучшей подруги.

Это не правда! Не может быть правдой!

— И не смотри на меня так. Да, я не устояла перед Онуром! Он хотел здорового наследника и я ему его подарю. А ты бракованная, ему не нужна!

Мой супруг — главный врач больницы, где работала я, и моя лучшая подруга, с которой он спал, и сделал ей ребенка. У двух предателей будет семья... А я ушла, оставив под сердцем маленькую тайну.

Вот только спустя три года бывший муж нашел нас и просит дать шанс все вернуть.

Глава 8

— Яна, я сразу понял, что что-то случилось, — Матвей гладит меня по плечу, — не стал рубить с плеча, хотя, если признаться честно, то меня задела эта ситуация.

Мужчина напротив кидает два кубика сахара в чашку с американо, аккуратно не задевая края, размешивает глюкозу в кофе.

Я поджимаю губы, потом нервно их покусываю, понятия не имею, как воедино сложить всё то, что произошло за последние сутки.

Откидываюсь на спинку стула, руки скрещиваю на груди, словно пытаюсь защищаться, хотя на меня сейчас никто не нападает.

— Детка, ты мне объяснишь, — Матвей поднимает свои глаза и смотрит внимательно на моё лицо. Конечно, он ждёт от меня каких-то слов, а не только моё фыркание. Просто я всё ещё ужасно злюсь на Владислава за то, что он сделал, и не знаю, как без нецензурных слов обрисовать ситуацию.

— Это был бывший муж.

— О как, — бровь мужчины подлетает вверх, — ты говорила, он не принимает участие в твоей жизни.

— Так и было, — каблук нервно отстукивает по паркету, а ещё ощущение, что все посетители кафе подслушивают наш разговор, чтобы потом передать всё Владу. Конечно, это паранойя, но я совсем не была готова к тому, что Влад вернётся.

Ещё и так нагло заявив о своих правах.

— Ян, — Матвей чуть раздражённо отбрасывает ложечку на блюдце, — я бы хотел конкретики.

— Прости, — подаюсь вперёд и окутываю мужские ладони, лежащие на столе, в тепло своих рук, — я сама в раздрае. Пришла домой, а там он. Ему моя мать открыла. Он наговорил всякой чепухи, что хочет вернуться... Но я его прогнала. Просто ты позвонил как раз в тот момент, когда он был дома. Я и сама в смятении, не знаю, как правильно поступить. Зная его характер, он так просто не оставит нас в покое.

— Мне придётся смириться с тем, что он будет присутствовать в твоей жизни?

Я не слышу обвинений в голосе Матвея, но он настроен. Далеко не каждый мужчина готов к такому. К чужим детям ещё может быть да, а вот к другому мужику... Точно нет.

— Он будет присутствовать в жизни Саши. Это я запретить не могу. Но наши с ним встречи минимизируются к нулю, как только я пойму, как это сделать. Сейчас он слишком уверен в себе.

— Ясно.

И непонятно, что на самом деле в его голове. Злитесь ли Матвей на эту ситуацию или же принимает её такой?

Он часто скрывает свои эмоции, поначалу меня это отталкивало, а потом наоборот приятно. Всегда галантный и улыбающийся мужчина куда привлекательнее, чем вспыльчивый и творящий хаос.

Бывший был искренен в проявлении своих эмоций, только они сгубили нашу семью.

Впрочем, пошёл он... Слишком много чести сидеть и думать о нём.

— Кажется, ты права, — Матвей грустно усмехается.

— Что?

Мужчина кивает в сторону окна, я перевожу взгляд и вижу, как Владислав вальяжно сидит на капоте моей машины, внимательно смотря через стекло на нас.

— Ах ты... — ругательство вырывается из моего рта.

— Выйдешь к нему?

— Нет, — резко отрицаю, — пусть стоит там, если ему так нужно. Мне с ним не о чем разговаривать. Прошу, не обращай на него внимания. Он устроил это показательное выступление, чтобы меня позлить. Если мы не будем реагировать... он уйдёт.

— Я так не думаю, — Матвей высвобождает свои руки из-под моих ладоней, — он уже у стекла.

Резкий стук в окно заставляет меня подпрыгнуть на месте. Влад медленно касается костяшками пальцев по окну, отстукивая ритм. Смотрит прямо на меня, кивая головой, чтобы я вышла.

Я демонстрирую ему средний палец.

Может, и детский жест, но как ещё ему объяснить, что разговора не будет.

От Матвея, если честно, я тоже ожидаю иной реакции... Но, может, наши отношения ещё не на том уровне, чтобы он дал ту реакцию.

Просто... для меня эта обида с его стороны кажется такой не мужской, но я осекаю себя в моменте. Вон тут один стоит, стучит в окно, весь такой мужик. Со своими мужскими реакциями.

А толку-то?!

— Яна, мне пора уже. Давай завтра встретимся, хорошо?

Матвей оставляет купюры на столе. Не только за свой заказ, за мой тоже. Это вызывает лёгкую улыбку, что не всё ещё потеряно.

— Ты говорил, у тебя сегодня выходной, — пожимаю плечами.

— Я хочу обдумать всё.

— Понимаю, — ком горечи всё-таки неприятно колет горло, но я быстро меняю своё мрачное лицо на более улыбчивое, — тогда до завтра.

Матвей целует меня в губы, очень быстро. И также быстро отходит, когда слышит стук в стекло.

Придурок!

Как только Матвей уходит, не проходит и секунды, как на его место падает тело Влада.

Он берёт купюры, оставленные Матвеем со стола, придирчиво их оглядывая.

— Он даже на чай не оставил, Яна, — цокает Влад, — я думал, ты любишь щедрых мужчин.

Наши дорогие!

Эмоциональная история о бывших от Хелен Кир в рамках литмоба «Вернуть семью»
<https://litnet.com/shrt/Fn-9>

- Добрый день.

Вот это поворот!

- И тебе. Какими судьбами?

Бывший муж слишком хорошо выглядит после того, как украл наш семейный бизнес.

- Ты претендент на вакансию?

- Уже нет, — отлепляюсь от стены. — Работать у вора? Нет. Не хочу.

Грозных леденеет взглядом.

Толкнуть дверь не успеваю. На стык ложится рука бывшего.

- Зарплата пятьсот тысяч. Принимай предложение.

—
Потеряв все, я случайно пришла устраиваться на работу к бывшему мужу. Пришла для того, чтобы у новой пассии появилось больше времени для подготовки их свадьбы. И я бы

ушла и не приняла обещанную бешеную зарплату, не стала бы работать с ним, если бы не одно очень весомое «но».

Глава 9

Резко встаю со стула, оттого он скребёт по полу, издавая противный скрежет.

— Оставь меня в покое! — шиплю на него, хватая сумку и собираясь оставить его здесь в одиночестве.

По правде, хочется ударить его. Но я ведь не дикарка в общественном месте разводить скандал. Делаю шаг мимо стола, как его крепкая хватка оказывается на моём локте.

— Сядь, Яна! — он встаёт вплотную, до боли сжимая мою руку.

Выдерживаю его ледяной свирепый взгляд, пытаюсь высвободиться. Однако он только с силой сжимает мою кожу.

— Мне больно...

Цежу сквозь зубы, а он вместе со мной двигается, чтобы посадить меня обратно в кресло.

— Ты сама виновата. Знаешь же, что я вспыльчивый человек...

— От человека в тебе ничего не осталось! — снова дёргаюсь: — Отпусти, Влад!

— Сядь, — кивает, всё ещё удерживая меня.

Прикрываю глаза и нервно плюхаюсь в кресло. Он тем временем лениво садится напротив и складывает руки в замок.

— Я же тебе сказал, — его рука ребром ладони медленно отодвигает от себя чашку кофе, который не допил Матвей: — Я вернулся... — вскидывает на меня глаза: — И этот... товарищ...

— Мы в разводе, Бойцов! Это раз! А два — вернуться ты можешь только к сыну, и то это под вопросом...

Он на мой крик шёпотом реагирует лишь слегка вздёрнутой бровью.

— Я не хочу, чтобы ты забирал его на выходные — это три. — упрямо смотрю в лицо того, кто когда-то был для меня целым миром.

А сейчас осталась лишь ненависть с привкусом горечи.

Влад медленно облокачивается на стол, приближая своё лицо ко мне. Ощущение, что даже в кафе будто темнее становится. Вздёргиваю выше подбородок, потому что знаю, что он делает. Без слов, молча пытается заставить меня принять его условия. Которых, по праву, и быть не может. Именно эту маленькую, но крайне важную деталь, он забывает.

— Что ты хочешь этим сказать?! — тянет он: — Что запретишь мне видеться с сыном?!

Последнее вылетает из его рта даже с некой усмешкой.

— Если ты будешь переходить черту, да. — озвучиваю, глубоко втягивая воздух носом: — Если пойдёшь против того, что я могу позволить тебе спустя это затяжное молчание.

— Я звонил...

— Ты действительно считаешь, что это можно считать за общение с ребёнком?! — с шипящим звуком перебиваю его: — Что твой последний звонок, в котором ты пообещал приехать на его соревнования, а сам не явился — это можно счесть за общение?! — мой голос невольно повышается, потому что я едва сдерживаю злость.

Он в ответ на мою гневную тираду уводит взгляд в сторону, и я вижу, как сжимает челюсть.

— Если в твоём понимании это общение с сыном, то ты уж прости, но лучше тогда тебе продолжать развлекаться, и никак не общаться с ребёнком. Потому что потом я трачу не один час на то, чтобы, не угробив твой образ в глазах, успокоить сына.

Влад возвращает свои глаза, и будто на секунду там мелькает что-то до боли знакомое. Но лишь на секунду, а потому, полагаю, мне померещилось. Очень сомневаюсь, что в этом мужчине напротив осталось хоть что-то, что я о нём знала.

— Не может быть никакой черты, Яна. — озвучивает решительно: — Тебе нужно уже уgomонить свои гормоны и принять этот факт. В ином случае...

— Ну что ты сделаешь?! — перебиваю его, гневно сверкая глазами: — Что?!
Он всматривается в моё лицо и прищуривается.

— А ты стала смелее... — буквально издевается надо мной, а я качаю головой и искусственно улыбаюсь.

— Нет, Бойцов, я стала честнее. Ты избавил меня от необходимости делать вид, что ты прав, — встаю из-за стола, пока он пребывает в шоке от ответа.

Чувствую себя явно лучше, чем после той встречи в моей квартире. Шагаю по проходу между столами, ощущая свою уверенность и силы, бороться с ним. Да, не очень красивый способ давить на болевые, но разве этот человек заслуживает иного отношения?

Дорогие читатели!

Новинка нашего литмоба от Ирины Корепановой!

Вернуть семью. Цена предательства
<https://litnet.com/shrt/aS5V>

Глава 10

— Ты злишься из-за мимолётного траха с той девицей? — я даже не успеваю дойти до своей машины, как крепкая мужская рука сжимается в кольцо на моём локте, чуть дёргая на себя, — я не имел с той бабой никаких серьёзных отношений. Ты так драматизируешь, Яна, словно я её член в дырку засунул, а квартиру на неё переписал.

Сначала мне кажется, что эти слова я себе придумала в голове. А потом понимаю, что нет... не придумала. Он и правда это сказал вслух.

— Так и мой молодой человек, — язвительно улыбаюсь, — просто суёт член в дырку... как ты выражаешься.

Эта словесная пощёчина заставляет его убрать свои руки от меня и сделать шаг назад. Он не ожидал, что я могу так остро и колко ударить в ответ?

Конечно, ведь он привык, что Яна его любит. Только та Яна умерла. А сейчас я осознала, что сделала всё правильно.

— Знаешь, что меня больше всего поражает... Ты даже на секунду не задумался о том, что можешь быть виноват. Для тебя секс с другой женщиной — это обыденность, а для меня — предательство, Влад. Ты думаешь, я вся такая мудрая, всепрощающая и понимающая? Нет. Я не понимаю и не хочу даже понимать. А тем более после этих слов мне даже кажется, воздух рядом с тобой какой-то грязный.

Влад делает ещё шаг назад, складывает руки в карманы пальто, неотрывно смотрит на меня.

— И давно у вас с этим всё?

— Серьёзно? — всплёскиваю руками, — это всё, что тебя интересует сейчас? Я тебе говорю прямым текстом, Бойцов, что ты сделал мне больно. Предал меня. Что не извинился и не раскаиваешься, а тебе интересно только то, сколько по времени я сплю с другим? Боже... катись ты к чёрту!

Я резко дёргаю на себя ручку, открывая дверь машины. Падаю на переднее сиденье, и, благо, он меня не останавливает.

С визгом шин срываюсь с парковки, несясь как можно дальше от него. Я так хочу быть холодной, отстранённой, но не выдерживаю боли, что рвёт грудь на части.

Всхлипываю, вытирая рукавом беспощадные слёзы.

Просто член в дырке... Вот так. Вот что это для него?

Как назло, попадаю в пробки, злюсь, что не успеваю забрать сына. Звоню его классной руководительнице, извиняясь за опоздание, но её ответ выбивает из меня дух.

Я даже резко от неожиданности бью по тормозам, получая гневные сигналы в спину.

— Что значит, его забрал отец?

Шепчу ей в трубку, но она прекрасно меня слышит.

— Ну, приехал и забрал. Что-то не так?

Конечно, а какие могут быть подозрения. Сын отца узнал, да и Влада в школе знают. Он же раньше сына забирал... до всего этого.

— Нет-нет, — до боли закусываю губу, — всё в порядке.

Чтобы лишний раз не пугать преподавателя, я кладу трубку. Несколько раз со всей злости бью по рулю, даю себе время выплакаться, потому что эмоции скачут и накрывают.

А потом всё-таки звоню бывшему мужу. Потому что другого выбора у меня нет. Мне придётся с ним контактировать, хочу я этого или нет... нас связывает сын. И это уже навсегда.

Разумеется, трубку он не берёт. Где искать его, я тоже без понятия.

Вся в раздрае, с дикой тревожностью доезжаю до дома. Поднимаюсь в квартиру, ожидая увидеть там сына, а вдруг... вдруг он привёз его домой.

Крою матом бывшего, но с облегчением выдыхаю, когда в коридоре меня встречает Саша.
— Мама, — радостно вопит ребёнок, — мы с папой собираем лего. Он мне подарил, вот...

Сын тащит меня за руку прямо в верхней одежде в гостиную, где на ковре разбросаны детали от лего.

Влад поднимает свой взгляд, видит, что лицо красное и опухшее от слёз.

Мне хочется устроить ему скандал, но при ребёнке я этого не делаю. Просто тихо и люто ненавижу внутри себя.

— Молодец, сынок, — глажу его по макушке, — я в душ.

Прячусь ото всех за дверь ванной комнаты, съезжаю вниз по стенке и складываюсь в позе эмбриона прямо на холодном кафеле.

Это просто какой-то кошмар... Я сплю. А когда проснусь, всё будет хорошо.

Дорогие читатели!

В рамках нашего литмоба "вернуть семью" рекомендуем вам эмоциональную историю Зои Астэр

Вернуть семью. Его уязвимость

<https://litnet.com/shrt/3aMz>

Глава 11

Только хорошо не становится даже после того, как я даю себе вдоволь испытать настоящую жалость к себе. Привожу в порядок лицо, прежде чем выйти на поле боям едва ли это помогает, но я прикрываю заплаканные глаза волосами.

Сразу жедвигаюсь в сторону кухни, машинально достаю кастрюлю с полки. Только от резкого движения вся моя стопка хромированной посуды не выдерживает, и тут же раздаётся сумасшедший грохот по кафелю.

Не обращаю внимания, хотя отборно матерюсь про себя, набираю воду и ставлю кастрюлю на плиту.

Всё, ещё шмыгая носом, собираю свою разлетевшуюся посуду, как буквально чувствую его. Воздух становится вязким и ядовитым. Резко пытаюсь встать, убирая вновь собранную стопку кастрюлей.

Он молчит, раздражая одним своим дыханием и без того расшатанную психику. В попытке не обращать внимания, наконец утрамбовав всю свою посуду, закрываю шкаф.

Подхожу к плите и облокотившись двумя руками на столешницу молю себя держаться.

— Даже ничего не скажешь? — слышится в мою спину.

— Уйди, Влад...просто уйди, — шепчу я, прикрывая глаза.

— Злишься...

Тянет он, будто читает меня, как чёртову книгу. Смотрю на воду, что даже и не планирует закипать в кастрюле и словно жду, что она меня успокоит.

— Прекращай, Ян...

Качаю головой, а сама понимаю, что не достала макароны. Надо отварить Саше, чтобы завтра не думать об этом, а из двух вариантов его любимых блюд — пюре он ел вчера.

Тянусь рукой к верхней консоли и достаю пачку спагетти. Забываю, что упаковка уже была вскрыта и буквально за одну секунду я невольно устраиваю макаронный дождь. Вся упаковка оказывается на полу, в коробке буквально лишь парочка.

Из глаз мгновенно текут слёзы, а я не готова к этой слабости на виду. Однако чувствую, что меня вновь поглощает лавина. Буквально накрывает и даже голову не высунуть, чтобы воздуха глотнуть.

Приседаю, чтобы собрать, а у самой уже вой из груди рвётся. И не скрыть его, и не утихомирить.

— Уйди... — цежу я Бойцову сквозь зубы и гримасу отчаяния.

Только он и не думает. Кучку мучную продукцию на полу, всхлипывая и пуская слёзы, как в этот момент крепкие руки обхватывают меня со спины и прижимают к себе.

Дёргаюсь, вырываюсь, словно загнанный зверёк.

— Проваливай! Хватит! Хватит издеваться! — неконтролируемо бьюсь в конвульсиях скидывая его руки, но в ответ он лишь крепче сжимает меня:— Не играй на моих чувствах...

Последнее выходит с какой-то непримиримой болью. Слышу его дыхание в ухо, чувствую спиной его грудь, крепкие руки, что обнимают, сейчас пытаюсь предотвратить мою истерику. А потом слышу и тихое, но такое рвущее меня изнутри прости.

И должна ли я что-то почувствовать? Должно ли быть облегчение или, наоборот, вера в это слово? Что должно быть?

Потому что я абсолютно не чувствую ничего, кроме прогрессирующей боли. Кроме истерики, что словно после нажатия спускового крючка лишь набирает обороты. Слышу лишь собственный провал в собственных слезах. Влад не говорит больше ни слова, а я даже и не помню, как оказываюсь в спальне. А когда спустя время оглядываюсь, замечаю, что лежу в постели и укрыта покрывалом.

Глаза привычно ведут к часам, и я понимаю, что уже вечер. Встаю, пытаюсь привести в порядок лицо и волосы, и только после этого выхожу.

Иду в комнату Саши, ощущая вновь нарастающую тревогу. А когда вхожу внутрь, вижу, как Влад сидит с сыном за столом и они обсуждают, как любит говорить Саша «матешу».

Прислоняюсь к дверному косяку, выдохнув и с несколько секунд позволяю себе понаблюдать за горящим взглядом сына, за тем, как он с энтузиазмом путая слова оттого, что рот не успевает за мыслями, рассказывает что-то своему отцу.

Сглатываю, потому что отнимать это действительно не хочу, да только как выстоять я не знаю. Может быть, мы всё таки повзрослеем и получится заключить ради сына мирный договор?

Дорогие наши, пока мы ждём следующую продю...

История Лады Зориной в рамках литмоба "вернуть семью"

Вернуть семью. Я вас не отпускал

<https://litnet.com/shrt/ddic>

— Я от тебя ухожу, — бросил муж.

В его голосе — ни грусти, ни сожалений.

— Ради неё, — прохрипела я, вспоминая ухмылку Самохиной, будто она уже знала, на что мой муж готов, чтобы вернуть её в свою жизнь.

— Ради себя. Ради тебя.

— И ради ребёнка, да? — всхлипнула я. — На него тебе, видимо, тоже плевать!

— Лика, брось эти истерики, — рыкнул супруг. — К Алле я возвращаюсь, потому что с ней мне будет лучше. Она мне подходит, а с тобой у нас не получилось. Не получилось ничего, кроме...

И он кивнул на мой живот.

— Кроме ребёнка. Но миллионы детей растут без отцов. Здесь никакой трагедии нет.

Трагедия разразилась, когда годы спустя бывший муж объявился у меня на пороге:

— Я достаточно средств вложил в воспитание сына. Имею полное право познакомиться с ним. И не смей мне мешать, Лика.

Глава 12

— Ты не любишь папу, да?

Вопрос сына застаёт меня врасплох. Рука, что задвигает шторы, дёргается, я даже не пытаюсь скрыть, что этот вопрос меня не радует.

Сашка уже улёгся в постель, от него вкусно пахнет детским шампунем и зубной пастой со вкусом клубники.

Влад, слава богу, ушёл. Он провёл с сыном время и ушёл, больше не прикасаясь ко мне и не пытаясь со мной заговорить. Я пряталась от него всё это время: то в ванной, то на кухне, находила какие-то «важные» дела, лишь бы не находиться с ним в одной комнате.

— Это сложный вопрос.

— Почему?

У детей всё просто. Я тоже бы хотела, чтобы было просто. Но так не получается, даже если я сильно стараюсь, всё равно на пути возникают какие-то трудности.

Помню, в Сашкином возрасте я мечтала скорее повзрослеть, стать самостоятельной и жить свою лучшую жизнь. Если бы меня сейчас спросили, чего я хочу больше всего, то, несомненно, мой ответ был — я хочу обратно в детство.

— Сашуль, — сажусь на край кровати к сыну, подминая под его тело одеяло, — я не хочу тебе врать, твой папа поступил плохо по отношению ко мне. И я не уверена, что смогу его простить когда-нибудь.

— Это из-за той женщины, да? Ну... которая была в доме.

Я могу скрыть от своего сына подробности, могу сделать вид, что всё окей, и его папа — супергерой. Но иногда правда нужна, пускай и самая болезненная.

Я не хочу, чтобы мой ребёнок думал, что я выгнала его отца просто так. Я хочу, чтобы сын понимал мотивы и последствия. Это очень поможет ему сформировать правильную картину мира и сделать выводы.

— Да. Понимаешь, — подбираю нужные слова для такой пикантной ситуации, — твой папа говорил мне, что любит меня очень сильно. Я вышла за него замуж, а потом родился ты.

— Папа и сейчас тебя любит, — беззаботно отвечает сын на мою реплику, — он мне сам так сказал, когда мы делали матешу.

— Возможно, — не переубеждаю сына, — но когда мы с твоим папой расстались, он любил и ту тётю тоже. И мне было очень неприятно...

— Но, — сын прикладывает указательный палец к подбородку. Он всегда так делает, когда думает, — разве нельзя любить сразу несколько людей? Помнишь, мам, ты меня спрашивала, хотел бы я братика или сестрёнку. И я тогда сказал, что хочу брата. Но ведь ты бы нас обоих любила. Почему папе нельзя?

Я теряюсь на секунду, потому что логика в этом есть. Дети часто подмечают такие тонкие нюансы. Но всё-таки есть оговорка.

— Потому что важно в браке любить одну женщину. Ведь мы выбираем себе спутника по жизни, сам подумай, сынок. Слово «спутник», помнишь, мы в энциклопедии читали, что это такое?

— Это объект, движущийся по орбите вокруг более крупного объекта под действием гравитации, — важно отвечает сын, потому что тогда у него был бум на космос. Он читал захлёб всё, что с ним связано, и запомнил определения.

— Верно, видишь, в твоём определении всего два объекта. Третьему там нет места. Поэтому мы выбираем себе спутника по жизни, чтобы двигаться вместе с ним. А если в эту систему врывается какой-то третий объект, то... система может дать сбой.

— Как мой робот, который сломался?

— Да, сынок.

Его тонкие бровки хмурятся, он что-то внутри себя сейчас переживает, и я понимаю, как важен был этот разговор.

— Тогда я понимаю, мам. Папу нельзя любить.

Улыбаюсь.

— Его можно любить, Сашка. Но... я не могу найти в себе силы на это.

Целую сына в щёку, желая ему сладких снов и ухожу, оставляя в комнате ночник. Влад всегда меня ругал за то, что я приучила сына спать со светом, но если его выключить, то ребёнка будут всю ночь мучать кошмары.

Я оставляю свет всё равно...

Наконец, в тишине, я могу думать о чём-то своём, о своей боли, разочаровании.

На телефон падает сообщение, я даже не сразу смотрю на отправителя, но уже точно уверена в том, что это Влад. Прямо чувствую.

И не ошибаюсь.

Он пишет сухо и формально. Говорит, что завтра вновь заберёт сына со школы. Но его появление за последние дни выбило у меня почву из-под ног, и я пока не понимаю, как нам существовать в одной реальности.

Но я обязательно найду выход.

У меня просто нет другого варианта.

Дорогие читатели!

Рекомендуем вам эмоциональную историю Тины Рамм в рамках нашего литмоба "Вернуть семью"

Вернуть семью. Второй шанс для нас

<https://litnet.com/shrt/pjTW>

Глава 13

В пятый раз уже звоню Владу, но он не отвечает. Странно набирать его номер спустя столько времени. Но причина у меня явно весомая. Сегодня Сашины соревнования, но я до обоих не могу дозвониться. Это ещё помимо того, что сегодня Влад не должен был его забирать. Такое стойкое ощущение, что у меня планомерно отнимают контроль.

Бойцов слишком зачастил, он всё делает не спрашивая. Он будто считает себя частью нашей семьи. Словно забыл тот вечер, когда сам от нас отказался.

Когда в очередной раз я хочу набрать его номер, слышу, как открывается дверь. Тут же, скинув звонок, двигаюсь в сторону прихожей.

— Саша!

— Мам, привет, смотри! — сын с лучезарной улыбкой показывает мне какого-то новомодного тамагочи, битси или бипси.

Закатываю глаза и качаю головой. Внутри непонятная смесь из паники и злости. А Влад стоит с непроницаемым лицом, прислонившись к стене.

— Какие-то проблемы? -- посылает в меня снисходительный взгляд.

— Ты не сказал папе, что у тебя соревнования? — смотрю на сына, а он потупляет глаза.

— Мы были в магазине, и там игрушка... — начинает он: — Я забыл, мам, прости.

— Надо срочно собрать форму, — продолжаю, уже на ходу, направляясь в детскую: — Саша, где твой рюкзак?

Он мчится за мной, на бегу перечисляя:

— В гостиной! Там ещё перчатки остались, и бутылка... Мама, ты помнишь про наколенники?

Забегая в комнату, рывком открываю шкаф. Руки дрожат — то ли от избытка эмоций, то ли от присутствия Влада.

Почему-то именно сейчас, когда каждая секунда на счету, вещи словно нарочно прячутся.

— Наколенники в ящике, — бросаю через плечо: — Доставай сам, пожалуйста.

Слышу, как Саша шумно выдвигает ящик, шуршит упаковкой. В дверях возникает Влад. Стоит вальяжно и наблюдает, а от этого взгляда становится ещё суевливей.

— Ты мог бы помочь, — не выдерживаю, вытаскивая из недр шкафа забытую бутылку с водой.

— Я уже помог, — спокойно отвечает он: — Забрал его, накормил...

Хочу ответить. Очень хочу, оборачиваюсь, и в этот момент мой взгляд цепляется за часы на стене.

— Вот чёрт... Мы опаздываем!

Саша замирает с наколенниками в руках. В его глазах — паника.

— Мам, мы пропустим разминку?

— Не пропустим, — стараюсь говорить уверенно, хотя сердце колотится как бешеное: — Быстро в машину.

Бросаю в рюкзак последние вещи, хватаю ключи. Влад неожиданно оказывается рядом, берёт у меня сумку и кивает в сторону выхода.

— Я поведу.

Хочу возразить по инерции, но в эту минуту время дороже споров. Кивнув ему, я хватаю Сашу за руку, и мы втроём вылетаем из квартиры.

В лифте молчание. Саша переминается с ноги на ногу, Влад смотрит вперёд, лицо непроницаемо. А я считаю секунды, мысленно прокручивая маршрут и прикидывая, успеем ли мы до начала.

Мы вылетаем из подъезда, а дождь начинает капать ровно в эту же минуту. Усаживаю сына в детское сидение, Влад заводит двигатель, и мы срываемся с места.

— Папа, ты быстрее можешь? — доносится с заднего сиденья уже спустя пару минут.

— Могу, — коротко отвечает Влад, нажимая на газ.

Машина ныряет в поток, обгоняет, виляет между рядами. Я впиваюсь пальцами в сиденье, но молчу: сейчас любая задержка на слово может стоить нам победы. В голове туман, и единственная мысль успеть. Кажется, что минуты намеренно тянутся дольше, будто в них не шестьдесят секунд.

— Пять минут, — наконец, произносит Влад, глядя на навигатор: — И мы на месте.

Саша вздыхает с облегчением, а я закрываю глаза на секунду, чтобы собрать себя в кучу. Потом открываю и смотрю вперёд. Туда, где за серой пеленой дождя уже виднеются огни спортивного комплекса.

Как только машина тормозит, Саша тут же открывает дверь.

— Я побежал, мам! Пап, только не уходи! Пожалуйста! — я даже не успеваю ответить и нажать на ручку двери, чтобы выйти.

— Сынок...

Но он, уже поправляя рюкзак, несётся к входу. Я смотрю на Влада, и слова, готовые сорваться с языка, застревают в горле. Но я упрямо молчу, не показываю, как подействовала мольба в голосе сына.

— Знаешь, этот год меня не было...

— Не нужно, — мой голос звучит холодно, почти равнодушно: — Больше года, Влад. Ты пропустил больше года его жизни.

Он вздрагивает, словно от удара. В глазах — растерянность, будто он только сейчас осознал, насколько огромна пропасть, которую он сам же и создал.

— Яна...

— Саша будет нервничать, и он хочет видеть тебя на соревнованиях. — прерываю Бойцова, поднимая руку.

Выхожу из машины, не дожидаясь ответа. Дождь уже превратился в мелкую изморось, но я не замечаю холода. Внутри всё горит от смеси обиды, гнева и странной, неуместной жалости. Я даже не понимаю, кого я жалею больше.

Дорогие читатели!

История о бывших в романе Айлины Якуба в рамках литмоба "вернуть семью"

https://litnet.com/shrt/V_A6

Глава 14

Спортивный зал гудит, как гигантский улей. Воздух плотный, горячий, пропитанный запахом пота, резиновых матов и сладковатой ваты, которую продают у входа.

Я вжимаюсь в пластиковое сиденье на трибуне, пальцы судорожно сжимают край скамьи до побеления костяшек. Внизу, на татами, среди десятков других мальчишек в белых кимоно, мелькает голова моего Сашки.

Материнское сердце колотится где-то в горле, отдаваясь глухим, частым стуком в висках.

Рядом, на расстоянии вытянутой руки, сидит Влад. Он откинулся на спинку сиденья, поза расслабленная, почти небрежная, но я вижу, как напряжена его шея и как ритмично вздрагивает мышца на его скуле. Он смотрит не отрываясь. Как и я.

Только бы не проиграл. Только бы не расстроился.

Стучит в такт сердцу моя единственная мысль. Это его первые серьёзные соревнования, и провал сейчас может навсегда отбить охоту ко всему, что он так любил.

— Следующая пара, на первый ковёр! Бойцов Александр и Петров Иван! — голос судьи режет гул зала.

Вот он. Мой мальчик. Он выходит, стараясь придать своему лицу суровое, взрослое выражение, но по тому, как он нервно поправляет пояс, я понимаю, что он волнуется до дрожи.

Я невольно делаю резкое движение вперёд.

— Успокойся, — голос бывшего мужа, тихий, но отчётливый, прорезывает шум вокруг. Он обращается ко мне не глядя. — Не передавай ему свою нервозность. Он всё чувствует.

— Я спокойна, — шиплю в ответ, садясь обратно и скрещивая руки на груди, будто пытаюсь сковать ими выпрыгивающее сердце.

Влад коротко хмыкает, и этот звук действует мне на нервы хуже, чем скрежет мела по доске.

Соперник Саши — коренастый, крепкий мальчик, на голову выше. Моё сердце замирает. Судья даёт сигнал, и схватка начинается.

Первые секунды они присматриваются друг к другу, двигаясь в стойке. Потом соперник делает резкий выпад, пытаясь провести подсечку. Саша уворачивается, но движение неуклюжее, он почти теряет равновесие.

— Соберись, сынок! Ноги! Держи дистанцию! — Влад внезапно подаётся всем телом вперёд, его мнимая расслабленность куда-то испаряется.

Его низкий, командный голос, привыкший, чтобы ему подчинялись, выделяется на общем фоне родительских подбадриваний.

Я хочу сказать ему «не командуй», но слова застревают в горле. Потому что он прав. Потому что я вижу ту же ошибку.

Саша слышит. Я вижу, как он вздрагивает и тут же поправляет стойку, опускается чуть ниже. Он не смотрит на нас, но он слышит.

Схватка продолжается. Соперник насаждает, Саша обороняется. Сын ловит несколько несильных, но обидных бросков. Очко противнику. Ещё одно.

— Держись, Саш! Всё получится! Дыши! — кричу я, уже не в силах сдерживаться. Мои ногти впиваются в ладони.

— Не пяться назад! В контратаку! Он открывается! — рычит Влад, сжимая кулаки так, что костяшки белеют.

Наши плечи почти соприкасаются от общего напряжения, и я отодвигаюсь, будто обожжённая.

Кажется, проходит вечность. Саша устал, это видно по его замедлившимся движениям. Счёт не в его пользу. В его глазах, которые он на секунду поднимает на трибуны, я читаю панику и разочарование.

Во мне всё обрывается.

И в этот момент Влад вскакивает с места. Не кричит, нет. Его голос, как стальной шёпот, низкий и пронизывающий весь шум зала.

— Александр! Хватит отступать! Ты сильнее! Иди вперёд! Живо!

Это не команда. Это... приказ. Зов. Призыв к крови, к той самой бойцовой жилке, которая есть и в нём, и, я знаю, есть в нашем сыне.

И Саша... преображается. В его глазах гаснет испуг и вспыхивает тот самый упрямый, бойцовский огонёк, который я так часто видела в глазах его отца. Он делает короткий, мощный рывок, уходит от захвата, и... проводит чистый, красивый бросок! Иппон!

Зал взрывается аплодисментами.

Я вскакиваю, не помня себя. Кричу что-то бессвязное, захлёбываюсь слезами и смехом. И вижу, как Влад, всё ещё стоя, сжимает кулак в победоносном жесте, и на его лице вырастает широкая, сияющая, абсолютно бесхитростная улыбка.

Улыбка, которой я не видела много-много лет. Улыбка отца, гордящегося своим сыном.

Наши взгляды встречаются. На секунду. В его глазах то же самое ликование, та же самая боль, та же самая гордость, что бушует и во мне. Все обиды, вся горечь, вся грязь того вечера на даче, всё это на мгновение отступает, смытое одной волной общего, всепоглощающего счастья.

— Он смог, — выдыхаю я, и голос мой дрожит.

— Конечно, смог, — ответ звучит глухо, но в нём нет и тени прежней снисходительности. Только гордость. Чистая, как этот крик души. — Он же наш.

Мы не смотрим друг на друга, мы снова смотрим на татами, где наш сын, сияя, получает свою первую золотую медаль. Но что-то между нами сдвинулось. Сломалось. На какое-то короткое, прекрасное мгновение мы снова были не Яной и Владом, враждующими экс-супругами, а просто мамой и папой, которые вместе болеют за своего ребёнка.

Правда, это только на несколько минут. Как только адреналин и радость за ребёнка спадёт, ненависть и боль вновь вернуться на законные места.

Глава 15

Мы спускаемся с трибун, и мне не терпится обнять своего сына.

Глаза все ещё влажные от избытка таких чистых и сильных эмоций. Сердце готово выпрыгнуть из груди. Влад идёт рядом, и я всё ещё вижу на его лице отголоски той горделивой улыбки за ребёнка.

Признаюсь, что это для меня куда важнее, потому что я хочу, чтобы Саша не страдал из-за нас. Хочу, чтобы у него было два родителя. А не один, пытающийся не выдать пофигизм второго.

Видим, как Саша показывает медаль своим друзьям, и улыбка тянется на лице.

— Сынок! — я Машу ему, чтобы он нас заметил и вижу, как загораются его глаза радостью.

Он подлетает к нам, но первым делом бросается в объятия Влада. Убираю руку за спину, которой хотела его обнять. Влад замечает мой жест, и я вдруг вижу в его глазах немое извинение, проскальзывающее мимолётным видением.

Саша счастливо что-то тараторит Владу, а я ощущаю эти флюиды ребёнка на себе.

— Мам! — сидя на руках Влада, Саша подзывает меня, и я подхожу ближе.

— Я так тобой горжусь, — шепчу ему, касаясь его щеки.

Он улыбается и как будто одними губами говорит спасибо.

— Я очень люблю вас, — он тянет руку, чтобы обнять меня, и невольно мы втроём образуем свой кокон.

Кокон крепкой семьи, в которую не пролезет ни один сорняк. Но в голове ведь мы оба понимаем, что это иллюзия.

— И мы тебя, — говорю за нас обоих, хоть и в глазах застыла горечь.

— Предлагаю отметить победу? — озвучивает Влад в попытке стереть нашу витающую в воздухе правду.

— Да! Мам! Пожалуйста! Мам...

Сын смотрит умоляющим взглядом, и я аккуратно киваю.

Спустя два часа мы уже рассаживаемся в любимом ресторане Влада. Я так давно здесь не была, что рассматриваю стильный минималистичный интерьер, как впервые.

— Мама, мы сюда сто лет не ходили! — восклицает Саша, хватая меню.

Опускаю взгляд, потому что я же намеренно избегала всех мест, где была вероятность встретить Влада.

— Вы что будете? Я соскучился по этой карбонаре, — озвучивает он, ёрзая на диванчике.

— Ян, выбирай.

Всё это время чувствую взгляд, исходящий от Бойцова.

— Мне не нужно, я кофе выпью. — озвучиваю, глядя на сына.

Когда уже улеглись эмоции и Саша не занимает нас рассказами, потому что всё рассказал по дороге, мне становится не по себе. Я не хочу находиться рядом с ним. И в то же время не хочу, чтобы сын почувствовал моё состояние. Из-за своих чувств я не вправе портить ему праздник.

— Понял, — слышу голос Влада, а затем он щелчком подзывает официанта.

— Слушаю вас.

— Нам пасту карбонара, гаспачо, Дорадо в трюфельном соусе и тартар из тунца. По напиткам — эспрессо и капучино, молочный коктейль с бананом.

Усмехаюсь, снова понимая, что Влад и не собирается услышать меня. Даже в таком банальном вопросе. Саша в это время занят детским кроссвордом в раскраске, которую здесь выдают всем детям.

Официант проверяет заказ, а после озвучивает время подачи и уходит.

Поднимаю взгляд на Владислава.

— Можешь не смотреть на меня так. — тут же говорит он: — Ты похудела, — констатирует он: — Совсем о себе не заботишься.

Слова вызывают улыбку. Но не ту, с которой бы женщина уличила в этих словах заботу.

— На сегодняшний день это не твоя обязанность, — говорю ему чуть тише.

— Пусть так, — он кивает, переводя глаза на сына: — Но что если я хочу этого?

Прикрываю глаза, отворачиваясь к панорамному окну. Сколько уже можно ходить по мне? Как долго он будет это делать?

Не хочу даже отвечать и разводить вновь этот бессмысленный разговор. Пусть думает что хочет.

Молчание между нами затягивается, и пусть ребёнок не видит этого немого напряжения, после того нашего разговора, я думаю, он всё равно понимает.

Саша увлекает Влада разговором про карате и создаются ощущение, что сын будто ждал этих моментов всё это время. Они говорят на одном языке. Несмотря на то, что я пыталась тоже вникнуть. Даже читала значения терминов и правила, я — не то, что сыну было нужно.

Когда официант идёт в нашу сторону с подносом, то вижу, как за его спиной показывается фигура женщины. Я помню её, она вроде бы менеджер ресторана или что-то в этом роде. Мы не знакомы, но раньше, когда мы здесь нередко ужинали, я видела.

Её глаза прищуриваются, а затем вижу, как алые губы расплываются в улыбке.

Хмурюсь, потому что она уверенно шагает в сторону нашего стола.

Официант тем временем расставляет блюда, а когда он удаляется, её точечная фигура возникает прямо около нас.

— Владислав Николаевич, вот так сюрприз, — несмотря на обращение, ощущение, что она говорит это для видимости: — Я уж думала, вы забыли про нас... — и от чего-то кажется, что это "нас" абсолютно не про ресторан.

Глава 16

Остатки пасты уже остыли, суп превратился в подкрашенную воду, а рыба кажется куском пластика. Я отодвигаю свою чашку с недопитым эспрессо, чувствуя, как каждый мускул на моём лице застыл в маске вежливого безразличия.

Саша, сияющий и довольный, допивает молочный коктейль, рисуя усы на своей верхней губе.

Он счастлив. Абсолютно и безраздельно.

И этот его детский, чистый восторг от того, что мы здесь вместе, единственное, что удерживает меня от того, чтобы встать и уйти, оставив Влада одного с его победным ужином.

Но иллюзия должна когда-то закончиться. Рано или поздно.

— Сашенька, — голос мой звучит хрипло, и я прочищаю горло, стараясь придать ему нежности. — Я видела, здесь есть детская комната. Хочешь пойти, поиграть? Там, кажется, и конструкторы новые, и машинки.

— А вы? — спрашивает он осторожно.

— Мы побудем тут, поговорим, — улыбаюсь я. — Взрослые дела. Иди развейся. Ты сегодня большой молодец, заслужил отдых.

Он ещё секунду колеблется, но желание поиграть в новом месте побеждает. Соскальзывает с дивана и, кинув нам на прощание счастливую улыбку, бежит в указанном мной направлении.

И вот мы остаёмся одни.

Влад откинулся на спинку дивана, его поза по-прежнему расслаблена, но я вижу, как напряжены его пальцы, сжимающие край стола. Он ждёт. Ждёт, когда я начну. Ждёт скандала, порции упрёков.

Но во мне нет сил на скандал. Есть только усталость. Смертельная, всепоглощающая усталость.

Поднимаю на него глаза. Он смотрит на меня пристально, с тем самым хищным, изучающим взглядом, который когда-то заставлял меня трепетать, а сейчас лишь вызывает тошноту.

«Не дай ему уйти в оборону, не дай перевести всё в шутку или в гнев», — молю я саму себя. Внутри всё сжимается в один тугой, болезненный комок.

— Влад, — начинаю я. — Я хочу знать. Только честно. Без уловок, без оправданий.

Он медленно поднимает вопросительно бровь.

— Сколько их было? — выдыхаю я. Слова вырываются против моей воли, горькие, с привкусом старой боли. — На самом деле. Не та одна, на даче. А до неё? За всё время. За наш брак.

Он отводит взгляд, его пальцы начинают барабанить по столешнице. Нервный, отрывистый стук. Раздражающий до ужаса.

— Яна, — он старается сделать голос мягким, успокаивающим, но сквозь эту фальшивую мягкость пробивается сталь. — Зачем тебе это? К чему эти цифры? Это ничего не изменит.

— Для меня изменит! — мой голос срывается, становится выше. Я с силой сжимаю кулаки под столом, впиваясь ногтями в ладони. Боль помогает собраться. — Я хочу понять масштаб. Хочу понять, насколько глубоко меня... нас... предали. Или для тебя это просто статистика?

Он тяжело вздыхает, проводит рукой по лицу. Играет в усталого, измученного нелепыми претензиями мужчину.

— Не было там никакого масштаба, — начинает он, и в его тоне слышится раздражение. — Не было никаких отношений, Яна. Никаких чувств. Никто из них не значил для меня ничего. Это был просто... секс. Физиология. Снятие напряжения. Понимаешь?

Он смотрит на меня, и в его глазах я вижу настойчивое требование понять и принять. Принять эту простую, мужскую логику.

А я не понимаю. И принять не могу.

Просто секс...

Всего два слова. А ранят сильнее, чем если бы он сказал, что влюблялся в каждую.

Потому что это значит, что наш брак, нашу любовь, нашу семью он променял на... на ничего. На пустоту. На биологический акт.

Горькая усмешка сама вырывается у меня из груди. Я качаю головой, глядя на него с отвращением и жалостью одновременно.

— И тебе от этого легче, да? — шепчу я. — Убедить себя, что это была не измена, не предательство, а просто «физиология». Что ты не вкладывал в это душу, значит, и вины нет. Удобная позиция.

— Я не говорю, что вины нет! — он повышает голос, и несколько посетителей за соседними столиками оборачиваются на нас. — Я говорю, что не было любви! Никто из них не был тобой! Я всегда возвращался к тебе. Вы с Сашей были моей семьёй. И ей будете всегда.

— Возвращался? — перебиваю я, и голос мой теперь звенит, как натянутая струна. — Ты приходил ко мне в постель после них? Целовал меня, говорил, что любишь, строил планы на наш дом, нашу жизнь... а в голове у тебя ещё были воспоминания о том, как ты снимал напряжение с другой? И ты думаешь, мне от этого легче? Думаешь, мысль, что это для тебя было пустым местом, ничего не значащим трением тел, делает мою боль меньше?

Я задыхаюсь. Слезы подступают к горлу, но я яростно их глотаю.

— Мне от этого в миллион раз хуже, Влад! Потому что, если бы ты полюбил другую... это хоть как-то можно было бы понять. Сильное чувство, ослепление... но это... это просто грязь. Дешёвка. И ты впустил эту грязь в нашу жизнь. В наш дом. В постель, где мы спали с тобой! Ты обесценил всё, что у нас было. Все наши годы, наши усилия, наши мечты о том доме... всё это оказалось дешевле, чем несколько минут с какой-то случайной физиологией!

Я почти кричу. Грудь разрывается от боли, от невыносимой горечи. Перед глазами плывёт.

Он смотрит на меня, и на его лице наконец-то появляется что-то, кроме раздражения и уверенности. Что-то похожее на растерянность. Кажется, он впервые осознаёт, что его логичные объяснения не работают. Не заживляют рану, а лишь сыплют на неё соль.

— Яна... — он тянет ко мне руку через стол, но я резко отдёргиваю свою, как от огня.

— Не трогай меня, — шиплю я. В глазах темнеет от ненависти и отвращения. — Никогда. Слышишь? Никогда больше не касайся меня. Твои прикосновения для меня теперь... они осквернены. Я чувствую на себе следы всех этих женщин. Мне противно.

Он медленно убирает руку. Его лицо становится каменным, непроницаемым. Защита. Всегда защита. Никакого раскаяния. Никакого настоящего «прости».

— Хорошо, — говорит он холодно. — Не буду касаться.

— И о встречах с сыном, — продолжаю я, заставляя себя говорить чётко, хотя внутри всё дрожит, — мы поговорим позже. Не сейчас. Я не могу сейчас. Я должна... я должна всё это переварить. Усвоить этот новый масштаб твоего падения. Я пришлю тебе сообщение. И ты будешь общаться с Сашей только тогда, когда это буду позволять я. Понял?

Он молчит. Смотрит на меня с тем самым взглядом, от которого раньше замирало сердце, таким тяжёлым, стальным, полным скрытой угрозы.

— Ты не можешь диктовать мне условия общения с моим сыном.

— А ты попробуй пойти против, — парирую я с ледяной яростью. — Попробуй. И узнаешь, на что способна мать, защищающая своего ребёнка от тлетворного влияния. Ты думаешь, после всего, что ты натворил, суд будет на твоей стороне? После того как ты бросил его на полтора года? После того как твоя физиология привела к развалу семьи? Дерзай.

Мы смотрим друг на друга через стол, как два врага на поле боя. Ни любви, ни нежности, ни даже сожаления. Только ненависть, боль и взаимное уничтожение.

С меня достаточно. Более чем.

Резко встаю. Стул с грохотом отъезжает назад. Я не смотрю на него больше. Оборачиваюсь и иду к детской комнате. Ноги ватные, подкашиваются, но я иду, выпрямив спину.

Захожу внутрь. Саша увлечённо строит башню из огромного мягкого конструктора. Увидев меня, он сияет.

— Мам, смотри!

— Молодец, сынок, — говорю я, и голос мой дрожит. Я подхожу, беру его за руку. — Но нам пора. Уже поздно. Завтра в школу.

— А папа? — он оглядывается, ищет глазами Влада.

— Папа остаётся. Попрощайся.

Он нехотя машет руку в сторону зала, потом позволяет мне надеть на него куртку. Я чувствую его недоумение, его разочарование, но сейчас я не в силах его утешить. Мне бы самой не развалиться на части.

На улице холодно. Я усаживаю Сашу на заднее сиденье, пристёгиваю. Сажусь за руль. Руки трясутся так, что я с трудом вставляю ключ в замок зажигания.

Завожу машину. И только когда выезжаем на пустынную дорогу, когда в зеркале заднего вида исчезает освещённый фасад ненавистного ресторана, я позволяю себе расслабиться.

По щекам, ручьям текут слёзы. Тихие, горькие. Я смахиваю их тыльной стороной ладони, чтобы Саша не увидел.

— Мама, ты плачешь? — доносится с заднего сиденья испуганный голос.

— Нет, сынок, — отвечаю я, давась собственным враньём. — Это просто дождь на лобовом стекле. Не переживай. Мы скоро будем дома.

Глава 17

- Ян привет, потерялись мы как-то, — Слышу улыбку в голосе Матвея.
- Навалилось, — отвечаю, держа телефон ухом: — Извини, не перезвонила тебе. Он как-то звонил, но было не до того. А перезвонить я действительно забыла.
- Проехали, — озвучивает он: — Что вечером делаешь?
- Смотря что предлагаешь, — пытаюсь я шутить: — Учитывая мои условия.
- Я помню про Саньку твоего, сможешь вырваться?
- Если сегодня, то получится, он будет с отцом.

Слышу довольный взглас Матвея: сама не понимаю, хочу ли этой встречи или нет. Но с другой стороны, мне необходимо развеяться. Отпустить всё за бокалом вина, и получить дозу мужского внимания.

- В шесть буду, — Матвей прикидывает время, и я таки соглашаюсь.

Смотрю на часы, у меня в запасе часа три, чтобы привести себя в порядок. Влад немного притих после того ужина. Полагаю, его внезапная знакомая менеджер не входила в планы, а потому он вынужден был принять мои слова тогда.

Но если бы эта женщина не появилась, намекая на близкое знакомство с моим мужем, то он сто процентов спорил, и более того, вновь пытался бы задавить меня своим авторитетом. Которого, к слову, больше нет, но он упорно продолжает считать, что это не так.

Позволяю себе понежиться в ванной. Прикрыв глаза, попытаюсь, забыть, что этот человек вернулся в нашу жизнь. Затем поиск подходящего наряда поистине поднимает настроение. Я давно уже не выглядела женственной даже в своих глазах. Всегда выбор удобного набора вещей, потому что-то на складе фасуешь наборы, то бежишь за ребёнком в школу, потом ведёшь на занятия. В общем, джинсы, брюки, легинсы... что-нибудь в чём будет удобно.

Поэтому сейчас я даже с неким трепетом предвкушения смотрю на платья, которые пылятся на вешалке. Прикладываю бордовое коктейльное платье к лицу. Неплохо, но короткий рукав сейчас кажется неуместным. Потому тянусь за чёрным платьем с длинными, широкими рукавами, но юбкой выше колена. Выглядит немного раскрепощённо, но как будто душа именно этого и хочет.

Выбираю его, довольная тем контрастом, что создают цвет волос и самого платья. Сами волосы оставляю струящимися лёгкими волнами по спине, макияж мой привычный минимум, лишь поярче румяна и губы.

Готовая и довольная отражением в зеркале я накидаю пальто, и, ответив на сообщение Матвея, я выхожу.

Влад должен привезти Сашу в десять, и сын перед разговором с Матвеем дал понять, что занят играми.

- Привет, — сажусь в машину к Матвею, улыбаясь мужчине.
- Здравствуй, — он скользит взглядом, по ногам, что не скрыты полами пальто.

Отмечаю, что сделала верный выбор, и тяну губы в улыбке. Матвей наклоняется ближе, оставляя нежный поцелуй на губах.

- Вау, — шепчет он.
- Куда поедет? — пристёгиваю ремень.

Сейчас я не женщина в разводе, делящая ребёнка с отцом, а та, кто хочет элементарного внимания, разговоров ни о чём, комплиментов и ласки.

- По плану ресторан, но... — снова взгляд Мирона падает на ноги, а я усмехаюсь.

Он тоже улыбается, заметив, что я оценила его шутку. Поверхностный разговор о делах, о том, как кто проводил это время, что мы не виделись, пока едем до ресторана.

Меня устраивает, что нам сейчас легко, и даже когда мы уже садимся в небольшом уютном ресторане русской кухни, мы всё равно не затрагиваем сложные темы.

Ни о том моменте в кафе, ни о том, что чувствовал Матвей и как вообще дальше видит наши отношения. Мне не нужно сейчас усложнять. Полагаю, он это понимает и потому молчит.

— Как там отец Саши? Всё ещё донимает? — только мысль проносится в моей голове, как звучит этот вопрос.

— Ты хочешь испортить настроение нам обоим?

— Да, ты права, — тут же отвечает Матвей, аккуратно разрезая мясо: — Я из вежливости хотел узнать...

То, что он говорит, вызывает лёгкий шок, но я стараюсь не обращать на это внимание. Делаю глоток вина, наслаждаясь тем, как всё тело, что всё время с момента возвращения Влада, было натянуто, словно пружина, расслабляется.

— У меня, кстати, есть билеты на хоккей, не хочешь составить компанию? Там все парами будут, может, и ты...

— Да, конечно, — не даю даже договорить ему: — Я с радостью.

Мужчина кивает, дальше мы обсуждаем, когда это будет, и я уже мысленно делаю пометку включить эту дату в график встреч Саши с Владом, который я составила.

В момент, когда нам приносят десерты, я слышу, как вибрирует телефон в сумочке.

— Сашенька, сынок, всё хорошо? — тут же спрашиваю, только увидев, кто, звонит.

— Нет, я просто хотел узнать, ты дома?

— Пока ещё нет, по делам, а ты уже хочешь домой?

Пытаюсь понять посыл ребёнка, но он тут же отмахивается и говорит, что папа его привезёт чуть позже. Это немного нервирует, потому что опять он нарушает договорённости, но я делаю скидку на то, что возможно Саша и сам причастен. Потому что уж если разыграется, то всё.

— Всё нормально? — киваю Матвею.

Ближе к девяти, я говорю Матвею, что у меня ограничения, и пусть немного недовольно, но он всё же относится с пониманием.

— До матча надо как-нибудь увидеться, — когда мы идём к машине, он останавливается, обнимая меня за талию: — Я соскучился, на самом деле.

Кладу руки ему на плечи и улыбаюсь. Лёгкое опьянение оставляет меня в приятном, спокойном послевкусии этого вечера.

— Да, если я правильно понимаю твой намёк, — он усмехается и касается губ.

— Правильно понимаешь, получится в выходной как-нибудь пораньше улизнуть? — спрашивает он.

— Давай созвонимся, и я постараюсь что-нибудь придумать.

Мой ответ его устраивает, а я сейчас не хочу забивать голову этим. Напротив, мне хочется просто наслаждаться каждой секундой ощущения, что всё хорошо и легко.

Доезжаем до моего дома минут за сорок и ещё какое-то время позволяем себе целоваться как подростки.

— Яна, Яна, — хрипит Матвей: — Что творишь... — качает он головой, а я улыбаюсь в ответ.

Флиртуя, посылаю ему воздушный поцелуй и выхожу из машины с лёгким смехом. Машина, тут же посигналив, отъезжает, а я иду по дорожке к подъезду, потому что здесь не подъехать. Только когда я уже подхожу, вижу, как около дверей каменной статуей стоит Влад... и в довесок ко всему рядом с ним застыл и мой сын.

Глава 18. Владислав

Звонок с последнего урока режет тишину школьного коридора, и мое сердце сжимается в странном предвкушении.

Стою среди других родителей, в основном мамочек, и чувствую себя чужим. Они косятся на меня украдкой, шепчутся. Наверное, помнят, что я исчез, а теперь вот вернулся.

Пусть шепчутся. Мне плевать. Я здесь ради сына.

Двери распахиваются, и поток детей выплескивается в коридор. Глаза цепляются за каждую маленькую фигурку, ищут именно его.

Сашка идет, опустив голову, волочит рюкзак за лямку, будто он пудовый. Снова эти дурацкие наушники в ушах. Снова этот отстраненный вид.

— Саш! — голос ломается и звучит хрипло.

Он поднимает голову.

Глаза, мои глаза, такие же серые и упрямые, расширяются.

Сначала недоверие, потом ошеломление, и... да, черт возьми, да!

В них вспыхивает искорка. Быстрая, как взмах крыла колибри, но я ее поймал.

— Па? Ты что здесь?

— Забрал тебя. Хочешь провести время вместе?

Он пожимает плечами, пытаюсь сохранить маску безразличия, но я вижу, как уголки его губ дёргаются.

Он хочет улыбнуться. Мой мальчик хочет улыбнуться.

— Мама разрешила?

Вопрос как ножом под дых.

Мне просто необходимо больше времени с сыном... Потому что, черт возьми, чувствую вину перед ним. Да и перед Яной тоже.

— Разрешила.

— Куда поедет? — уже оживленнее спрашивает он, позволяя мне взять его рюкзак.

— Куда хочешь. В тот ТЦ, с игровыми автоматами и лабиринтом. Помнишь?

— Помню! — теперь он не скрывает улыбки.

Эта улыбка греет меня изнутри, растапливает кусок льда, что врос в груди за эти полтора года.

Я столько всего пропустил. Его первые победы, первые шишки, его рост, не только физический, но и вот этот, внутренний. Я был слепым идиотом.

Веду его к машине, открываю дверь. Он залезает на сиденье, я же сажусь за руль, сжимаю его так, что костяшки белеют. Нужно держать себя в руках. Не спугнуть этот хрупкий мостик, что мы только начали наводить.

По дороге до центра Сашка тараторит о школе, о друге Мише, который съел муху на спор, о новой игре.

Я слушаю. Впитываю каждое слово. Раньше этот лепет раздражал, казался фоном. Теперь иначе.

Я киваю, задаю вопросы, и он расцветает от моего внимания.

Черт, как же я мог променять это на пустоту офисных стен и случайных постелей?

В торговом центре шумно, ярко, пахнет попкорном и сладкой ватой. Сын, как ракета, несется к игровой зоне. Я иду следом, чувствуя себя слоном в посудной лавке среди этой суеты. Но ради его сияющих глаз я готов быть кем угодно.

Меняю деньги на жетоны. Отдаю ему целую горсть. Он смотрит на меня, как на волшебника.

— Па, ты уверен?

— Абсолютно. Гуляй.

Он ныряет в лабиринт, исчезая в сетках и шариках. Я остаюсь снаружи, прислонившись к стене. Слежу за ним.

Вот его голова мелькает среди других. Вот он смеется, кричит что-то мальчишке.

Сожаление едкое, горькое подкатывает к горлу. Я глотаю его. Нет, сегодня не день для самобичевания.

Сын выныривает, запыхавшийся и счастливый.

— Пап, давай на гонки!

Мы идем к симуляторам.

Садимся рядом. Он крутит руль, а я поддаюсь. Позволяю ему обогнать себя. Его ликующий крик, когда он пересекает финишную черту первым, стоит больше, чем все мои бизнес-сделки, вместе взятые.

— Я выиграл! Я тебя обогнал!

— Да, сынок, ты лучший гонщик, — хвалю я, и сердце ноет от чего-то теплого и щемящего.

Вот оно. Простое человеческое счастье.

Почему я бежал от этого?

Почему искал чего-то еще, когда всё самое ценное было у меня под носом?

Мы идем дальше, к автоматам с кранами, где нужно схватить игрушку. Он пытается, у него не получается. Я встаю за его спиной, беру его маленькие руки в свои, руковожу джойстиком. Мы делаем это вместе. Коготь опускается, цепляет розового пони. Сашка замирает.

— Держи, па, держи!

Коготь зажимает игрушку и тащит к люку.

Успех!

Сын подпрыгивает на месте, хватая уродливого розового пони и прижимает к груди.

— Получилось! Мы сделали!

И вот, в самый пик нашего счастья, он затихает. Прижимается ко мне боком, его взгляд становится настороженным.

— Папа, — шепчет он, пряча лицо в моем джемпере. — Вон та тетя... она на нас давно смотрит. Странно смотрит.

Ледяная игла пронзает меня от темени до пят. Медленно, слишком медленно, поворачиваю голову.

В потоке людей, у колонны, стоит женщина. Высокая, худая, в дорогом пальто. Лицо мне знакомо. Слишком знакомо.

Одна из многих. Одна из тех, что были «просто физиологией». Я никогда никому ничего не обещал. И всегда обозначал границы...

Но с этой что-то не так. Она не отводит взгляд. Улыбается. Тонко и даже ядовито.

Я чувствую, как все мышцы моего тела напрягаются до хруста. Гнев, горячий и мгновенный, закипает в жилах.

Что ей нужно, блядь?

— Пап, ты её знаешь? — голос Сашки полон детского любопытства и тревоги.

Я не успеваю ответить. Она уже идет к нам. Каблуки отбивают чёткий, мерный стук по плитке.

— Владислав, вот неожиданная встреча, — говорит она, и ее голос льется как мед, намазанный на лезвие бритвы.

Я не отвечаю. Просто смотрю на нее, вжимаясь в пол, сжимая кулаки. Хочется схватить ее за горло и вышвырнуть отсюда.

Но рядом Саша.

— Здравствуйте, — вежливо говорит мой сын, воспитанный Яной.

Алёна переводит взгляд на него. Ее улыбка становится слащавой и неестественной.

— Привет, мальчик. А ты, наверное, Сашенька?

Она знает его имя. Чёрт возьми, она знает его имя!

У меня в голове всё взрывается красным светом. Я никогда не называл имени своего сына.

Саша кивает, его брови сдвинуты. Он чувствует напряжение, исходящее от меня волнами.

— А вы откуда знаете моего папу? — прямо, без обиняков, спрашивает он.

Дети всегда бьют в самую точку.

Она медленно, с театральной паузой, присаживается на корточки перед ним. Ее пальцы с длинным маникюром тянутся к его волосам, чтобы потрепать их.

Я застываю. Не могу пошевелиться.

— А я знаю твоего папу очень хорошо, Сашенька, — говорит она сладким, ядовитым голоском. — У меня от него скоро будет...

Ее рука уже почти касается его головы.

Я взрываюсь.

Мое тело срывается с места раньше, чем мозг отдает команду. Резко, почти с силой, я хватаю ее за руку выше локтя.

Кость под пальцами тонкая и хрупкая. Я слышу ее вздох, больше удивленный, чем испуганный.

— ...ребенок. Твой братик или сестричка.

Она успевает. Боже, она успевает договорить.

Я вижу, как лицо Саши искажается. Сначала непонимание. Потом медленное, ужасное осознание. Его глаза, широко раскрытые, полные шока и боли, смотрят на меня. В них вопрос, на который у меня нет ответа.

Во мне всё рушится. Весь этот хрупкий мир, который я пытался выстроить за этот час, рассыпается в прах.

Я тащу ее через зал, мимо удивленных лиц, мимо игровых автоматов. Вывожу ее из детской зоны, в коридор. Отбрасываю ее руку.

Она поправляет пальто, смотрит на меня с вызовом.

— Что, Влад, не ждал?

Во рту пересыхает. Гнев душит меня, сжимает горло так, что я не могу вымолвить ни слова.

Глава 19

Так и стою напротив них неживой фигурой. Холод пробирается сквозь одежду, вызывая секундный озноб по телу. А внутри я, буквально черт возьми, зверею.

В два шага оказываюсь около них.

— Сынок, почему не дома? — присаживаюсь на корточки.

Только в этот момент сын с силой льнёт ко мне. Обнимает за шею так крепко, как никогда.

Он молчит, просто тихо сжимает меня в своих руках. Медленно, крайне медленно я перевожу глаза на Влада. Прежней спеси там нет. Более того, он смотрит на объятия сына, и я вижу, как на долю миллисекунды какое-то сожаление отдаётся от его глаз.

Весь мой задор, опьянение и лёгкость этого, такого редкого вечера для себя, улетучивается. Растворяется в воздухе будто этого и не было.

— Сынок, — отстраняюсь от сына, беру его щеки в ладони: — Ты соскучился?

Надежда, которую я хочу передать ему. Я не хочу думать, что что-то случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.